

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКО-ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031710
Голиковой Марии Михайловны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Алефиренко Н.Ф.

Рецензент
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
Шкреба О.А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Значимость фраземики в коннотативно-прагматической репрезентации языковой картины мира	12
1.1. Фраземика, этноязыковое сознание и ЯКМ	12
1.2. Роль этноязыкового сознания в формировании ЯКМ	17
1.3. Место фразем в структуре ЯКМ	20
1.4. Фраземика в лингвокультурном осмыслении	23
Глава 2. Реализация этнокультурного потенциала русско-польских фразеологических параллелей	35
2.1. Типология фразеологических параллелей	35
2.1.1. Фразеологические эквиваленты	41
2.1.2. Фразеологические аналоги	43
2.1.3. Безэквивалентные фраземы	49
2.2. Фраземика в лингвокультурологическом осмыслении	54
2.3.1. Фраземы, связанные с религиозной тематикой	54
2.3.2. Фраземы с компонентами-зоонимами	63
Глава 3. Реализация этнокультурного потенциала фраземики на практике	69
3.1. Методика преподавания фразеологии в сопоставительном аспекте	69
3.1.1. Преподавание фразеологии в школе	69
3.1.2. Преподавание сопоставительной фразеологии в вузе	75
3.2. Специфика создания русско-польского фразеологического словаря лингвокультурологического типа	76
Заключение	88

Литература.....	90
Приложение.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика характеризуется не просто описанием конкретных языковых явлений, а поиском их глубинных смыслов, выявлением взаимосвязей, способных пролить свет на особенности человеческого мышления. Одной из самых перспективных в этом аспекте дисциплин можно считать лингвокультурологию, предполагающую изучение как собственно лингвистических, так и экстралингвистических фактов. Связь языка и культуры занимает важное место в работе ученых еще со времен В. фон Гумбольдта, однако только в последнее время она стала рассматриваться с позиций когнитивной лингвистики. Это позволяет выявлять и изучать проявления ментальности конкретных этносов на языковом уровне.

Одним из наиболее культуруносных языковых пластов по праву можно считать фраземику. Сложные лингвокреативные процессы, связанным с порождением фразем (фразеологических единиц, далее – ФЕ), обуславливают высокую значимость этих единиц в лингвокультурологическом аспекте. В основе фразеомообразования лежит вторичная номинация, благодаря чему источником появления новых выражений становятся самые разные дискурсы: мифологический, бытовой, религиозный, медийный и т.п. Внимание исследователей направлено не только на исследование компонентов ФЕ, но и на их целостное смысловое единство, особенности внутренней формы (далее – ВФ), культурные маркеры, а также коннотативно-стилистические особенности. Такой разносторонний подход позволяет получить наиболее полное представление о ФЕ как репрезентантах элементов лингвокультуры.

Начало активных фразеологических исследований приходится на вторую половину XX века. Стоит отметить работы А.И. Молоткова, В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, Р.Н. Попова, В.Н. Телия и др. Среди польских лингвистов выделяются S. Skorupka, W. Chlebda, A. Rajdzinska, S. Karolak, W. Karpaczewa, Ī. Koziielewski, Krzysztof Kusal, R. Lipczuk, G. Wilk и др.. Весьма перспективное направление исследований – сопостави-

тельная фразеология – стало предметом изучения в работах Т.Н. Федуленковой, В.Ф. Васильевой, А.Д. Райхштейна, И.И. Огдановой, Е.Ф. Арсентьевой и других ученых.

Особое место в русле фразеологических исследований занимает контрастный подход. Сопоставление фраземики разных языков позволяет не только выявить характерные особенности, но и обозначить яркие свойства ментальности каждого из этносов. Настоящее исследование проводится именно в этом аспекте и направлено на изучение ментальности носителей русского и польского языков.

Сопоставительный анализ фразем предполагает пристальное внимание к их коннотативным особенностям. Применительно к изучению лингвокультуры большую значимость приобретают оценочные коннотации, т.к. именно они позволяют выявить ценностные доминанты целого этноса. Кроме того, серьезно внимание уделяется и эмоционально-экспрессивным коннотациям, тесно связанным со стилистическими параметрами. Это обусловлено тем фактом, что проявление эмоции служит показателем пристрастного отношения говорящего к предмету речи, что и ложится в основу оценочных сем. Наиболее продуктивным при этом становится изучение разговорных и просторечных выражений: рус. *зенки вылупить*, пол. *ślipia rozpalać*; рус. *пропади ты пропадом*, пол. *zeby cie potroka* и т.п.

Репрезентативная функция фразем обусловлена их способностью вбирать в себя и «кристаллизировать» многовековой опыт народа, сохранившиеся особенности культуры, традиции и т.д. Изучение фраземики, особенно в диахроническом срезе, позволяет проследить динамику формирования целой лингвокультуры, а также выявить этапы развития этнического самосознания носителей определенного языка. Так, например, фраземы, сочетающие в себе языческие и христианские черты, демонстрируют синтетичность религиозной картины мира славянской народов. Апплицирование более архаичных языческих черт и современных, христианских, более актуальных, показывает не только сложность и уникальность славянского мировосприятия, но и

огромную значимость начального, исторического ментального опыта этноса для последующего развития. Примерами подобных синтетических выражений могут послужить ФЕ типа *Боже мой* (пол. *mój Boże*), которые, с одной стороны, демонстрируют привычное для христианского миропонимания обращение к Богу, а с другой, выстроены по типичному шаблону языческого заговора.

Глубокое изучение фразем, связанных с религиозной тематикой или имеющих в своем составе специфичные компоненты, чрезвычайно важно для выявления ценностных доминант, присущих тому или иному этносу. Это обусловлено значимостью религиозного мировосприятия для формирования целостной картины мира. Учитывая конфессиональные различия русских и поляков (на территории России исповедуется православие, тогда как в Польше – католичество), можно получить значимые результаты. Интерес представляет и стилистическое распределение подобных фразем. Собственно религиозная лексика чаще всего принадлежит к возвышенному стилю, однако в бытовой речи нередко приобретает прямо противоположные особенности употребления и используется в эмоционально окрашенных выражениях с ярко проявляющимися коннотативными особенностями.

Фраземы являются значимым элементом конструирования языковой картины мира далее – ЯКМ). Это проявляется в их способности репрезентировать не только особенности верований носителей языка, что отмечалось ранее, но и повседневную жизнь во всех ее проявлениях. Подтверждением служат многочисленные выражения, содержащие в своем составе бытовую лексику, фитонимы, зоонимы, а также воссоздающие привычные для носителей языка действия (специфику работы, отдыха, эмоциональные переживания и т.п.). Неслучайно некоторые ученые (Л.Т. Ючковская, В.В. Шкатова, Р.Т. Сираева и др.) даже предлагают ввести понятие фразеологической картины мира, представляющей собой «один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности» [Ючковская 2015: 62]. На

наш взгляд, такой подход является достаточно спорным. Более уместным представляется введение понятия прагма-фразеологического фона как обозначения совокупной роли фраземики в структуре языка.

Способность фразем образно воспроизводить действительность представляет огромную ценность для лингвокультурологии. Она позволяет выявить не только отсылки к конкретным фактам, но и охарактеризовать определенные исторические события или даже периоды за счет выделения из структуры выражения оценочных компонентов. Так, например, русская фраза *лазаря тянуть* появилась благодаря дореволюционной песне о библейском Лазаре, исполнявшейся обычно бедняками, выпрашивавшими милостыню. Со временем выражение приобрело пренебрежительный оттенок, т.к. исполнители далеко не всегда бывали столь несчастны, как хотели преподнести. Получается, что современное выражение претерпело сразу несколько трансформаций: библейский сюжет стал основой песни, которая в народном сознании приобрела ассоциацию с конкретными людьми и действиями (нищими, выпрашивавшими деньги на паперти), а затем фраза получила дополнительную пренебрежительную коннотацию.

Подобные примеры можно встретить и в польском языке. Так, в современной прессе можно встретить выражение *mówi o zielonej wyspie* (досл. 'рассказы о зеленом острове'). Источником происхождения стали выступления политических деятелей, благодаря которым «поляки называли свою страну «зеленым островом» процветания посреди моря рецессии» [Мануков]. Однако народное сознание быстро прочувствовало разницу между реальной ситуацией и красивой метафорой, благодаря чему фраза приобрела ироничный оттенок.

При работе с художественным текстом важным становится и изучение фразем как элемента идиостиля. Частотность употребления фразем характеризует специфику авторского стиля, а стилевая окрашенность может быть показателем не только индивидуальных особенностей создателя текста, но и сути всего произведения. Кроме того, необходимо учитывать обстоятельства

жизни писателя, исторический период и место, где он работал над своими произведениями, социальный статус. Все эти и многие другие факторы имеют существенное влияние на его ЯКМ, что проявляется и в употребляемых им фраземах. В случае работы с переводными текстами важно обращать внимание и на личность переводчика, т.к. именно он адаптирует текст для иностранных читателей и, следовательно, привносит в исходный материал не только личностные факторы, но и элементы сторонней лингвокультуры.

Настоящее исследование проводится на основе произведений двух польских писателей – Генриха Сенкевича и Владислава Реймонта. Такой выбор отнюдь не случаен. Оба писателя являются знаковыми представителями польской литературы, удостоенными Нобелевской премии. Период жизни прозаиков также, в основе своей, совпадает, а значит, на их творчество влияли сходные экстралингвистические факторы (исторические события, культурные тенденции, общественные веяния и т.д.). Изучались оригинальные тексты и их переводы на русский язык. Выбор польского языка обусловлен не только генетическим родством с русским, но и рядом экстралингвистических факторов, наиболее значимым из которых представляется историческая общность двух славянских народов. В то же время длительная история развития каждого из этносов привела к появлению значимых различий на всех языковых уровнях. Менталитет носителей языков также имеет ряд принципиальных различий и тесных сходств. Такая система противовесов в комплексе со значимыми экстралингвистическими факторами представляет большой интерес для проведения научного исследования.

Актуальность работы обусловлена назревшей необходимостью исследования факторов, оказывающих влияние на формирование ментальности русских и поляков. Именно языковой уровень становится связующим звеном между представителями обоих этносов, что подчеркивает важность изучения специфики этноязыкового сознания. Выявления точек соприкосновения двух лингвокультур помогает воссоздать исторические корни славянского мирознания, что способствует улучшению отношений между представителями

обоих этносов. Благодаря отражению исторической общности на языковом уровне бездоказательные суждения оказываются невозможными, что существенно повышает достоверность результатов исследования.

Цель работы – взяв за основу материал из произведений Г. Сенкевича и В. Реймонта в оригинале и переводе на русский язык, (а) выявить этнокультурную специфику русских и польских фразеологических параллелей путем многофакторного анализа их структурно-семантических особенностей, а также (б) подготовить дидактические и лексикографические материалы

Объектом исследования явились фраземы, встречающиеся в произведениях Г. Сенкевича и В. Реймонта. В качестве **предмета исследования** выступили коннотативно-семантические особенности фразем и их компонентов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- сформировать картотеку русских и польских фразем, собранную на основе анализа оригиналов выбранных произведений и их переводов;
- проанализировать коннотативно-стилистические особенности выбранных фразем;
- определить культурологически значимые особенности ключевых компонентов;
- подготовить материал для создания русско-польского фразеологического словаря лингвокультурологического типа;
- определить основные методические подходы к преподаванию фразеологии в сопоставительном аспекте.

Методологической основой исследование послужило философское учение о картине мира и взаимосвязи языка и культуры, психологии, мыслительных процессов, которые ее формируют.

Ведущими **методами** следующие методы: а) сопоставительный анализ ФЕ, элементы компонентного анализа семантики ФЕ и элементы лингвостатистики (или количественно-векторного анализа), метод семантического по-

ля, фрагменты корреляционного анализа, кросс-культурный, когнитивно-сопоставительный метод

Источниками исследования послужили повести и рассказы Г. Сенкевича и В. Реймонта. Из словесно-художественного наследия Г. Сенкевича выбраны следующие: «Старый слуга» («Stary sługa»; пер. Е. Рифтиной), «Ганя» («Hania»; пер. Е. Рифтиной), «Наброски углем» («Szkice węglem»; пер. Е. Карловой), «Янко-музыкант» («Janko muzykant»; В.Г. Короленко), «Из дневника познанского учителя» («Z pamiętnika poznańskiego nauczyciela»; пер. под ред. В. Ратнер), «Бартек-победитель» («Bartek Zwycięzca»; пер. П. Ахромовича), «Ангел» («Jamioł»; пер. Н. Подольской), «Орсо» («Orso»; пер. И. Добровольской), «За хлебом» («Za chlebem»; пер. М. Вальдена), «Сахем» («Sachem»; пер. И. Добровольской), «Органист из Пониклы» («Organista z Ponikły»; пер. М. Лещинской), «На маяке» («Latarnik»; пер. М. Вальдена). Были обследованы также тексты произведений В. Реймонта: «Смерть» («Śmierć»), «Сука» («Suka»), «Томек Баран» («Tomek Baran»), «Справедливо» («Sprawiedliwie»), «Одна-жды» («Pewnego dnia...»). Переводы названных тестов выполнены М. Абки-ной. Польские тексты брались из открытого ресурса «Wikiźródła» («Викитека»).

Материал исследования составляет авторская картотека из 1123 фразем, собранная методом сплошной выборки.

Практическая значимость работы определяется созданием базовой части русско-польского фразеологического словаря лингвокультурологического типа в виртуальном формате. Отдельные положения можно использовать при преподавании фразеологии в сопоставительном ключе.

Апробация работы. Отдельные положения были опубликованы в статьях, размещенных в региональных, всероссийских и международных сборниках, а также обсуждавшихся на научных конференциях. Общее число вышедших в печати статей – 11, из них проиндексированы системой РИНЦ 7. Проект электронного русско-польского фразеологического словаря поддержан РФФИ (№18-412-310002).

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографического списка. В первой главе «Значимость фраземики в коннотативно-прагматической репрезентации языковой картины мира» предпринимается попытка обозначить функцию фразем как элемента ЯКМ, позволяющего выявить и интерпретировать особенности этноязыковой сущности носителей языка. Вторая глава – «Реализация этнокультурного потенциала русско-польских фразеологических параллелей» – представляет собой анализ собранных материалов, предполагающий выявление ценностно-смыслов доминант этноязыкового сознания, проявляющихся на фразеологическом уровне. В приложении содержится пробная тетрадь словаря лингвокультурологических сопоставлений русского и польского языков.

ГЛАВА 1

ЗНАЧИМОСТЬ ФРАЗЕМИКИ В КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Фраземика, этноязыковое сознание и ЯКМ

Вопросы, связанные с особенностями этноязыкового сознания, в настоящее время занимают важное место в языкознании. Наиболее сложным представляется точная трактовка понятия. Попытки обозначить его границы предпринимаются в русле исследований различной направленности: от когнитивистики до этнопсихолингвистики. Это демонстрирует стыковое положение данной области научного знания: охватываются вопросы, связанные с особенностями мышления, речи и речепорождения, а также культурным фоном. неслучайно в качестве синонима *этноязыкового сознания* нередко используется такое понятие, как *этнокультурное сознание*.

В работе Н.Ф. Алефиренко и Шенбо Юя представлена следующая формулировка: «Если сознание в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этнокультурное (этноязыковое) сознание – высшая духовная категория, представляющая собой ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества» [Алефиренко, Шенбо Юй: 2011, 6]. Согласно такому пониманию этноязыкового сознания, оно представляет собой некий продукт духовно-мыслительной деятельности человека, полученный благодаря накоплению и передаче культурно-бытийного опыта вкупе с осмыслением функционирующего языкового материала. При этом чрезвычайную важность приобретает тот факт, что многие процессы, порождаемые этноязыковым сознанием (далее – ЭС), протекают без контроля самого носителя языка, на подсознательном уровне, автоматически. На это указывает и И.В. Привалова, отмечая, что «этноязыковое сознание не конгруэнтно языковой картине мира, так как

включает не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное» [Привалова, 2006: 10].

Трактовка понятия ЭС требует особой тщательности и осторожности, что обусловлено спецификой поднимаемой проблемы. Так, нельзя говорить о безоговорочной взаимообусловленности сознания человека и его языковой среды. Ярким примером могут послужить многонациональные страны. Например, мы не можем говорить об идентичности ЭС жителей Белгородской области, Татарстана и Забайкальского края. Несмотря на то, что в каждом из этих регионов основным языком является именно русский (языки национальных меньшинств или диалекты функционируют лишь в определенных районах), велико воздействие и таких факторов, как исповедуемая религия, соседство с представителями других народностей, история развития этноса и т.п. Кроме того, нельзя забывать и о социально-политических факторов. Наглядным примером здесь может послужить ситуация в Великобритании: постоянные разногласия между «собственно британцами» и жителями Ирландии, порожденные этими противостояниями особенности мировоззрения и культуры оказали существенное воздействие и на ЭС, несмотря на очевидное, на первый взгляд, языковое единство.

В то же время ЭС, будучи структурой гибкой и чутко реагирующей на любые значимые изменения, характеризуется наличием множества вербальных и невербальных маркеров. С точки зрения лингвистики наибольший интерес представляет первая группа. О. В. Арзямова делит их на 3 группы [Арзямова, 2015: 45]:

- 1. Этносемантические маркеры**, имеющие разницу в семантике или реализуемых коннотациях (в т.ч. в пределах конкретного текста). особое значение здесь приобретает контекст, в рамках которого функционирует лексема. Так, например, лексема *лес* в прямом значении лишена каких-либо коннотаций и служит лишь для обозначения конкретного животного. Однако будучи элементом определенных фразем, употребляясь в отдельных контекстах, она становится

репрезентантом дополнительных смыслов. В первую очередь, это связано с негативом по отношению к объекту речи (рус. *злой, как пес* – пол. *zły, jak pies* 'очень злой'). Особенно значимым образ пса становится для польской лингвокультуры, где он подсознательно соотносится с образом дьявола.

2. **Культурно-опосредованные маркеры**, для понимания которых требуется пресуппозиция и/или фоновые знания. Сюда входят устойчивые формулы (например, фатические или религиозные), фраземы, прецедентные феномены и т.п. Так, например, для выражения благодарности в польском языке может использоваться фраза *Bóg zapłać* (досл. 'Бог заплатит'). Для полного понимания ее скрытых смыслов необходимо не только знать о том, какая религия является ведущей в Польше, но и владеть основными сведениями о ее содержании.
3. **Транспонированные маркеры**, активно используемые, в частности, в художественных произведениях при попытке передать национальный колорит. Подобные маркеры представляют собой иноязычные лексемы, которые «сознательно воспроизводятся автором искаженно и передают не только недостаточную степень освоенности данной лексемы, но и демонстрируют отношение к данной реалии со стороны субъекта речи» [Арзямова, 2015: 45]. Так, например, в одном из рассказов Г. Сенкевича вместо устоявшегося словосочетания *аттестат зрелости* употребляется латинское *egzamin maturitatis*. Очевидно, что на момент создания произведения словосочетание еще не вошло в активный словарный запас. Не стоит забывать и о том, что образование в XIX веке было доступно далеко не всем слоям населения, что также сказалось на степени усвоения единицы. Нельзя забывать и о том, что классическое европейское образование на протяжении многих веков было связано с преподаванием латыни.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают такие культурные маркеры, как фраземы. Место фраземики в структуре ЭС будет более полно рассмотрено далее, однако представляется необходимым обозначить границы самого понятия и круг обозначаемых им языковых единиц.

Традиционно в научной литературе термин *фраземика* понимается как синоним *фразеологии*: «раздел языкознания, изучающий устойчивые образные сочетания слов с обобщенно-целостным значением в их современном состоянии и историческом развитии» [Алефиренко, 2009: 14]. Схожей точки зрения придерживается и В. Хлебда, одним из первых включивший понятие в терминологический инструментарий и охарактеризовавший его как дисциплину, занимающуюся изучением *фразем*.

Основные противоречия связаны с пониманием того, какие именно единицы могут называться *фраземами* и, следовательно, входить в поле изучения фраземики. Господствующими в научной литературе считаются т.н. широкое и узкое понимание сути фраземы. Согласно первой точке зрения (А.М. Бабкин, В.П. Жуков и др.), фраземы представляют собой строго устойчивые словосочетания с закрытой структурой и невозможностью замены компонентов (рус. *лясы точить*, пол. *ozorem mleć*). Другое мнение (А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн и др.) сводится к тому, что фраземы могут соотноситься не только с номинативными, но и с коммуникативными единицами, что позволяет существенно расширить их рамки, включив афоризмы, паремии и т.п. выражения, имеющие фразовую структуру. Этой же точки зрения придерживается и В. Хлебда, определяя фразему как «każdy - niezależnie od jego statusu semantycznego i struktury formalnej - znak językowy, stanowiący nazwę potencjału treściowego (pojęcia), która w danej sytuacji dla wyrażenia tego potencjału mówiący przywołuje (odtwarza) w charakterze jego względnie stałego

symbolu»¹ [Chlebda, 1991: 27]. Соответственно, совокупность таких единиц исследователь относит к *фраземике*.

На наш взгляд, широкий подход позволяет наиболее глубоко оценить весь этноязыковой потенциал фраземике, ведь паремии, афоризмы и т.п. выражения хоть и отличаются от «классических» устойчивых словосочетаний с синтаксической точки зрения, обладают при этом схожими семантико-коннотативными свойствами, что позволяет им рассматриваться в качестве фразеологических единиц. На эту точку зрения указывают также А. Тырпа и М. Рак, уточняя, что пословицы являются производными некоторых фразеологизмов, и достаточно трудно во многих случаях указать границу между фразеологией и паремиологией [Тырпа, Рак: 2016, 215].

Если фраземику можно представить как один из конструктов ЭС, то взаимосвязь последнего с ЯКМ представляется гораздо более сложной и носит двунаправленный характер. С одной стороны, ЭС продуцирует векторы формирования ЯКМ, обуславливает его специфику. Но с другой, именно сложившаяся ЯКМ накладывает отпечаток на этноязыковое сознание представителей целых этносов, закладывая в него накопленными предыдущими поколениями опыт.

Следует отметить, что в рамках настоящей работы под ЯКМ мы понимаем «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Серебрянников, 1990: 33]. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «когнитивная сущность данного понятия заключается в том, что оно является обобщенным (итоговым) результатом отражения физической картины мира в коллективном сознании того или иного общества» [Алефиренко, 2010: 124]. Он уточняет, что речь идет не о зеркальном отражении, а о сложном процессе,

¹ «каждый – независимо от его семантического статуса и формальной структуры – языковой знак, реализующий содержание (понятие) который в данной ситуации для выражения этого содержания говорящий называет (воспроизводит) в качестве относительно постоянного символа»

объединяющем логическое и чувственное познание и интерпретирующем «характер, представленный в картине мира социума» [Алефиренко, 2010: 124]. Более полный обзор взаимосвязи ЭС и ЯКМ представлен в следующем разделе.

1.2. Роль этноязыкового сознания в формировании ЯКМ

Оценивая взаимосвязь ЭС и ЯКМ, нельзя забывать о принципиальной особенности последней: она не создает картину мира, а служит ее репрезентатом при помощи вербальных средств. Как отмечает Г.В. Колшанский, «картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания» [Колшанский, 1990: 27]. Иными словами, язык – это не форма особого мира, но форма его познания, создания. Только человек создает окружающей его мир, язык выступает лишь в роли «инструмента». При этом Ж.М. Кучменова отмечает, что «картина мира, представленная в отдельном языке, является результатом познания и языкового оформления, но не является интерпретацией мира», а ЯКМ, таким образом, это «продукт сознания, результат взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире» [Кучменова].

Важно заметить, что проблема взаимосвязи языка и мышления интересует лингвистов на протяжении последних двух столетий. Безусловно, столь длительный период повлиял не только на количество высказываемых идей и их специфику, но и сам взгляд на проблему, точку зрения. Если первые исследования характеризуются склонностью к изучению механизмов воздействия мыслительных процессов на развитие языка в целом и отдельных его категорий в частности, то со временем этот вектор изменился. Язык стал осмысляться не как материал, а как инструмент, влияющий на мышление.

Второе направление получило активное развитие благодаря работам В. фон Гумбольдта. Он отметил неизбежное добавление субъективного к объективным языковым фактам, благодаря чему «каждую человеческую индивидуальность независимо от языка можно считать носителем особого мировоззрения» [цит. по: Звегинцев, 1960: 112]. В этой же работе он указывает и на формирование схожего мировоззрения не только у конкретной личности, но и во всем языке в целом.

Проблемы взаимосвязи языка и мышления, сознания активно разрабатывались такими учеными, как М. Гране, Ж. Пиаже, Э. Кассирера, Ф. Боаса и др. Определяющее значение приобрела гипотеза лингвистической относительности, иначе называемая гипотезой Э. Сепира – Б. Уорфа. Материалы, изучение которых привело к появлению гипотезы, основаны на этнографических наблюдениях за жизнью малочисленного этноса вкупе с его языком. Неслучайно эпиграфом знаменитой работы Б. Уорфа стало следующее выражение: «Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле “реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Уорф, 1960 а: 135]. Важно учитывать и то факт, что Б. Уорф чрезвычайно высоко оценивает значимость языка для формирования сознания и полагает, что он обуславливает не только *способ мышления*, но и подходы к *познанию мира* [Уорф, 1960 б: 174].

Гипотеза Э. Сепира – Б. Уорфа оказала огромное влияние на формирование *лингвокультурологии*. При этом, несмотря на всю значимость, в настоящее время она подвергается критике за излишне категоричные и в некотором роде наивные суждения, в частности, преувеличивающие и неверно трактующие взаимосвязь языка и мышления. Тем не менее, именно после этой гипотезы научное сообщество заговорило о явлении, названном Л. Вайсгербером *языковой картиной мира*.

Яркий признак ЯКМ – ее антропоцентричность. Во многом это обусловлено именно взаимодействием с ЭС. Как человек выстраивает мир вокруг себя через призму собственного миропонимания, так и язык моделирует повседневные реалии с опорой на абстрактную личность, находящуюся в центре событий.

Диалектичным остается и вопрос о взаимосвязи концептуальной и языковой картин мира (далее – ККМ). Вопреки существующей точке зрения об их идентичности в настоящее время господствующим является суждение о том, что ЯКМ является частным проявлением ККМ, вербализуя ее глубинные пласты. Как отмечает Е.В. Емельянова, «ЯКМ выполняет в каждый момент своего исторического развития функцию регистрации и инвентаризации всего накопленного коллективом говорящих на данном языке» [Емельянова, 2015: 155].

Этноязыковое сознание становится одним из проявлений языковой личности, причем речь в данном аспекте может идти как об идиолектной (конкретном индивиде), так и полилектной личности (всем народе). Каждая языковая личность (далее – ЯЛ) обладает особыми подходами к постижению мира, имеющими, безусловно ряд общих базисных постулатов, и, соответственно, уникальным ЭС. Будучи частью единого культурного пространства, все ЯЛ находятся в постоянном взаимодействии, обоюдно пополняя и корректируя индивидуальное ЭС.

Исчерпывающую характеристику языкового сознания в целом и ЭС в частности дает А.А. Яковлев. Так, он отмечает тот факт, что такое сознание

«показывает особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта в зависимости от определенных (т. е. фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов» [Яковлев, 2018: 66]. Он же указывает на системную взаимосвязь ЭС с лингвистическими и экстралингвистическими факторами. ЯКМ при этом отводится особая функция: она показывает, «какие семантические компоненты элементов языковой системы, используемых в языковом материале данной группы носителей языка, имеют тенденцию выражать схожие значения вне их зависимости от преобразований, накладываемых индивидуальным сознанием и конкретной ситуацией общения» [Яковлев, 2018: 67]. По мнению ученого, ЯКМ находится в плоскости лингвистических исследований, тогда как ЭС – психолингвистических, при этом в каждом случае на первом месте должен находиться именно человеческий фактор.

Не стоит забывать и об уже упоминавшемся взаимовлиянии ЯКМ и ЭС. Учитывая все вышесказанное, можно заметить, что здесь активно действует принцип перекрестного воздействия. И ЯКМ, и ЭС могут иметь как индивидуальную, так и коллективную форму. Коллективное ЭС во всех его проявлениях (вербальном и невербальном, осознанном и неосознанном) оказывает существенное воздействие на формирование индивидуальной ЯКМ, мировоззрение каждой ЯЛ и, как следствие, складывающийся у нее образ мира. В то же время коллективная ЯКМ, складывавшаяся на протяжении многих столетий, способна повлиять на индивидуальное ЭС, в особенности на этапах его становления и развития.

1.3. Место фразем в структуре ЯКМ

Л.Г. Золотых метко назвала фраземику «концептуальной копилкой ЯКМ» [Золотых, 2008: 46]. Предпосылкой для появления столь емкой метафоры стали слова Ю.Н. Караулова о том, что словарный и фразеологический состав языка «прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и наслаивались также за-

блуждения и суеверия, в нем запечатлелся частично и дологический этап становления человеческого мышления» [Караулов, 1976: 60]. Обе цитаты не просто демонстрируют значимость фраземики для всего языкового фонда, но и показывает, сколь сложный и долгий путь проделала эта область знания, прежде чем предстать в нынешнем формате.

Обширное культуроносное наполнение каждой фраземы обусловлено глубокой образностью, кроющейся в основе всех единиц. Связь фраземики и культурологии очевидна. По мнению М.Л. Ковшовой, каждая фразема «за рождается на пересечении языка и культуры, он изначально насыщен культурой, и это делает его потенциально культуроносным знаком» [Ковшова, 2013: 147]. Кроме того, исследователь указывает и на тот факт, что каждый образ, положенный в основу ФЕ, уже прошел через процесс «окультуривания», т.е. получил некую культурную значимость. Это обуславливает кольцевую структуру ценности ФЕ: с одной стороны, в их основу положен культурный код, проявляющийся при появлении единицы, а затем, после интерпретации, происходит актуализация культурных смыслов. Это обуславливает тесную взаимосвязь фраземики и ЭС носителей языка, к которому она относится. Неслучайно фраземы, не имеющие точных эквивалентов в других языках, столь тяжело поддаются переводу.

Место фраземики в структуре ЯКМ во многом определяется ее антропоцентричностью. ФЕ приобретают ярко выраженную субъективность и преимущественно используются в качестве средства демонстрации оценки человека (рус. *доброе сердце*, пол. *dobre serce* – положительная оценка; рус. *прослыть бабой*, пол. *uchodzić za babę* – отрицательная оценка), действия (рус. *как снег на голову*, пол. *jakby z nieba spadły* – неожиданно), финансового благосостояния (рус. *гол как сокол*, пол. *jestem na glanc*) и т.п. Примечательно, что креативные процессы, обуславливающие появление фразем, во многом направлены на «очеловечивание» окружающих реалий. Неслучайно в каждом языке столь активно используются выражения, содержащие в своем составе соматизмы. При этом неодушевленным предметам нередко присваиваются

номинации и/или поступки, присущие живым существам: узкую часть бутылки именуют *горлышком*, дверной запор – *ручкой* и т.п. По мнению польских исследователей А. Lewicki и А. Pajdzińska, другим проявлением этой тенденции служит также активная фразеологизация чувств, состояний, особенностей речевого процесса и т.п. [Lewicki, Pajdzińska].

По мнению В.А. Масловой, элементы ЯКМ, формирующиеся при помощи фразем, характеризуются пейоративностью. Это утверждение, несмотря на всю свою неоднозначность, представляется достаточно обоснованным, т.к. для многих лингвокультур (в особенности славянских) характерна более частотная фразеологизация отрицательных явлений и особенностей, нежели положительных. В то же время категорично говорить о пейоративности формируемой ЯКМ, на наш взгляд, не стоит.

В научной литературе нередко можно встретить соотнесение ЯКМ и наивной картины мира (работы Ю.Д. Апресяна и др.). Учитывая, что в основу наивной картины мира (далее – НКМ) закладываются обыденные наблюдения носителей языка, ее связь с фраземикой очевидна. Безусловно, ставить знак равенства между ЯКМ и НКМ, на наш взгляд, опрометчиво, т.к. ЯКМ включает в себя разноплановые пласты, выходящие далеко за пределы НКМ. Однако ряд факторов свидетельствуют о тесной близости двух КМ. В частности, речь идет о стремлении интерпретировать одно явление, неизвестное, через другое, известное. В таких конструкциях обязательно присутствует явное или скрытое сравнение и, как следствие, оценка. Это обусловлено необходимостью «подобрать» своеобразный ключ к интерпретации, что невольно влечет за собой сопоставление. Учитывая уже упоминавшуюся склонность к антропоцентризму, можно заметить, что такое соотнесение зачастую используется при помощи использования базовых понятий, являющихся межъязыковыми универсалиями (соматизмы, зоонимы и т.п.). Так, например, готовность человека регулярно выполнять тяжелую работу сопоставляется с действиями *вола* (рус. *работали, как волы*, пол. *charowali, jak woły*) благодаря результатам наблюдений за выносливым и трудоспособным животным. По-

добная тенденция демонстрирует наивность когнитивного поля человека, в особенности в период формирования фразеологического словаря. Показательной также становится частотность соотнесений с мифологемами и стереотипами.

Наиболее наглядно взаимосвязь фразем и ЯКМ проявляется при работе с иноязычным материалом. Образная структура выражений затрудняет их понимание человеком, не являющимся носителем языка. В теории перевода также существуют особые подходы к работе с фраземами. Т. Курочицки неслучайно отмечает, что «фразеологические обороты, как правило, несущие в себе большой заряд эмоциональности, являются для переводчиков одним из основных «строительных материалов» для воссоздания стиля оригинала» [Курочицки, 1975: 149]. При этом сложность представляет не только адекватный подбор переводного материала, но и сам поиск фраземы, «умение отличить в подлиннике индивидуальное от стандартного, традиционного» [Курочицки, 1975: 149].

Сопоставление фразем из двух и более языков важно не только для прикладного переводоведения. Оно также представляет большую значимость для изучения особенностей лингвокультуры, ЯКМ, этноязыкового сознания носителей того или иного языка. При проведении сопоставительного анализа особенности языкового материала каждого из языков становятся особенно явными. Подтверждением этому служат слова С. Скорупки: «Metoda porównawcza pozwoli lepiej zorientować się w tendencjach rozwojowych frazeologii, pozwoli wreszcie wydzielić w każdym języku to, co jest w nim swoiste, związane bądź ze strukturą języka, bądź z osobliwością kultury danego narodu, od tego, co jest wspólne wielu językom»² [Skorupka, 1964: 119].

Таким образом, можно заметить, что фраземы выступают одним из конструкторов ЯКМ, своеобразными «кирпичами», «строительным материа-

² Сравнительный метод позволит лучше разобраться в тенденциях развития фразеологии, позволит, наконец, выделить в каждом языке то, что является для него специфичным, связано или со структурой языка, или с особенностями культуры данного народа, а также от общности многих языков.

лом». При это фраземы не просто репрезентируют те или иные явления, но и помогают их интерпретировать. При этом на первый план выходит не объективный, а субъективный, оценочный компонент. Это подтверждает тезис, высказанный А.И. Федоровым: «фразеологизмы удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» [Федоров, 1973: 81].

1.4. Фраземика в лингвокультурном осмыслении

Как уже отмечалось ранее, каждая фразема в той или иной степени наполнена этнокультурным содержанием. В первую очередь, оно кроется во внутренней форме (далее – ВФ) выражения. Трактовка сути ВФ до сих пор вызывает немало споров в научном сообществе. Так, например, за ВФ принимают базовый словесный образ (В.П. Жуков, А.М. Бабкин), семантическую мотивированность (Л.И. Ройзензон, А.М. Мелерович), коннотативные особенности (В.Н. Телия), этимологическое содержание (В.М. Мокиенко, А.В. Кунин) и т.п.

Специфика происхождения и функционирования фразем обуславливает значимость апперцепции и пресуппозиции для верной трактовки сути ВФ и ее роли. Причиной такого явления служит природа фразем, основанная как на многовековом коллективном опыте, так и на индивидуальных знаниях языковой личности. При этом, по мнению Н.Ф. Алефиренко, ВФ оказывается между общим фразеологическим значением и значением фраземообразующей базы [Алефиренко, Семенов, 2009: 56], а Л.А. Ковалевская видит в попытках выявить и интерпретировать ВФ возможность обозначить культурные маркеры фразем [Алефиренко, Семенов, 2009: 56].

Глубокое понимание ВФ невозможно без вовлечения методологического инструментария других научных дисциплин, в частности, психологии. Однако важно понимать, что такой подход может быть только синтетическим. Полное абстрагирование от лингвистических методов и приемов приводит к слишком узкому и, следовательно, ошибочному пониманию исследуемой проблемы. Следуя за Н.Ф. Алефиренко, мы понимаем ВФ фраземы как

«общий для этимологического и актуального значения ассоциативно-образный элемент, формирующий в семантической структуре фраземы путем взаимодействия фразеомообразующих компонентов» [Алефиренко, Семенов, 2009: 60], а также видим в ней результат когнитивных процессов, направленных на конкретизацию в речи психических форм отражения действительности [Алефиренко, Семенов, 2009: 58]. Именно синтез лингвистики и психологии позволяет получить наиболее полный результат.

Одной из ключевых особенностей фразем. делающих их столь значимыми для лингвокультурологического исследования. можно считать чрезвычайно насыщенную образную составляющую. Особое внимание на этот факт было обращено именно польскими лингвистами, длительное время причислявшими фразеологию к стыковым дисциплинам, занимающим промежуточное положение между языкознанием и литературоведением. В настоящее время этот подход пересмотрен, однако К. Szafranic отмечает, что фраземы чаще всего выявляются именно там, где от языка требуется особая креативность и нетипичность [Szafranic].

Пониманию фразем как культуроносной единицы во многом поспособствовала разработка теории интерпретационной модели значения идиом [Телия, 1990]. Именно здесь прозвучала идея о том, что использование фразем дает коммуникантам возможность производить ментальные операции:

1. Обмениваться денотативной (дескриптивной) информацией об актуальных событиях.
2. Принимать и интерпретировать оценку происходящего.
3. Воспринимать ВФ и получать впечатления от заложенного в нее образа, представляющего собой мотивационный признак, основание для соотнесения, событийную основу фраземы.
4. Испытывать эмоцию по отношению к единице.

Изначально такая многомерность воспринималась как проявления языковой функции фраземики, тогда как культурная заключается в интерпретации полученной/переданной информации в существующем культурном про-

странстве. Однако такой подход в скором времени был опровергнут в связи с назревшей необходимостью глубокой культурной интерпретации фразем. По мнению М.Л. Ковшовой, предпосылками к такому переосмыслению стали «семантическая неопределенность ФЕ, контекстуальная обусловленность и оценочная амбивалентность семантики, проявляющаяся в иллюстративном материале фразеологических словарей» [Ковшова, 2013: 72].

Семантическая неопределенность фразем обусловлена их сущностью и тропеическим механизмом порождения. Исследователи видят причины такого явления в разных факторах. Так, например, отмечается апплицирование этимологичного и актуального понимания образов (Н.Ф. Алефиренко) и воздействие экстралингвистической информации (В.Н. Телия). Чрезвычайно важен и тот факт, что в процессе функционирования в языке каждая фразема получает культурные «добавки». Они могут обуславливаться как внешними факторами (общественно-политическая обстановка, коллективное восприятие тех или иных явлений и т.п.), так и внутренними (мировоззренческие особенности языковой личности, индивидуальная система ценностей и т.п.). Информация, передаваемая от одного субъекта к другому, не может быть полностью обезличенной, на нее в обязательном порядке накладывает отпечаток на интерпретацию любого языкового знака, и фраземы здесь не являются исключением.

Собственно языковая семантика ФЕ углубляется и дополняется культурной коннотацией, появление которой обусловлено функционированием фраземики в «живом» языковом пространстве. Как отмечает М.Л. Ковшова, «культурная интерпретация «расширяет» собственно языковое значение фразеологизма, обуславливает его восприятие в том или ином пространстве знаний, представлений, ассоциаций. в системе ценностей, которыми владеет носитель языка и которые актуализируются у него как коммуниканта» [Ковшова, 2013: 82].

Несмотря на то, что каждая фразема в той или иной степени несет в себе культурологическую составляющую, ученые выделяют категории т.н.

культурно маркированных фразем, т.е. тех, что представляют особую исследовательскую ценность. Опираясь на точку зрения Н.Ф. Алефиренко, мы выделили следующие категории подобных единиц [Алефиренко, Золотых, 2008: 8]:

1. Фраземы, связанные с элементами античной культурой (рус. *сизифов труд*, пол. *szużfowa praca* ‘напрасный труд’). В основе ФЕ лежим мифологический сюжет о царе Коринфа Сизифе, посмевшем перечить богам Олимпа. Среди многочисленных версий этого мифа наиболее популярна та, согласно которой царь взял в плен бога Танатоса, тем самым нарушив закономерный ход жизни и смерти. Заточенный в Тартар за преступление, Сизиф предпринял попытку побега, тем самым вновь преступив через волю богов. В качестве наказания Сизиф был обречен бесконечно вкатывать огромный камень на высокую гору. Как только преступник приближался к достижению цели, камень скатывался вниз, и работу приходилось начинать сначала. Под влиянием мифа выражением *сизифов труд* стало обозначать тяжелый труд, отличающийся своей бесполезностью и безуспешностью.
2. Фраземы, указывающие на национальные культурные реалии. Чаще всего такие выражения содержат в себе безэквивалентную лексику и сами не имеют эквивалентов и аналогов в других языках. (рус. *гол как сокол* ‘очень беден’; пол. *gramy w ślepa babkę* ‘играть в прятки’, досл. ‘играть в слепую бабу’). *Сокол* представлял собой русское стенобитное орудие, представляющее собой бревно, обитое металлом, или же целиком отлитое из чугуна или железа. Поверхность такого орудия была совершенно гладкой, что и было положено в основу ФЕ. *Соколами* назывались и некоторые металлические инструменты, имевшие цилиндрическую форму. Согласно гипотезе В.М.

Мокиенко, название представляет собой кальку французского военного термина *faucou* (досл. ‘сокол’), обозначающего орудие похожего типа [Мокиенко, 1980: 38]. Э.А. Вартаньян предположил, что *сокол* в данной ФЕ представляется собой трансформированное *сукол*, обозначающее в крестьянской среде «пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь» [Вартаньян, 1963: 74]. Осенью такие ограды выглядели одиноко и сиротливо, что могло послужить поводом для сопоставления с обедневшим человеком. *Ślepa babka* – одно из наименований игры в прятки в польском языке. Более подробно мы рассмотрим особенности ВФ этого выражения во 2 главе. Примечательно, что хоть сама детская игра и распространена в разных культурах, образ *слепой бабки* характерен именно для польского этноязыкового сознания. Метафоризация осуществляется на основе внешнего сходства: человек с завязанными глазами, играющий в прятки, временно становится слепым, т.е. напоминает пожилого человека, потерявшего зрение. Таким образом, приведенные нами примеры демонстрируют особенности включения слов-реалий: наименования русского стенобитного орудия/вида изгороди и польской номинации старинной детской игры.

3. Фраземы, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы (рус. *рынду бить* ‘звонить в колокол для обозначение полудня’, пол. *bujda na resorach* ‘турусы на колесах; вранье’). *Рында* – название судового колокола. Слово пришло в разговорную речь из морской терминологии, где обозначало звон колокола в определенное время суток. Со временем наименование звона перешло на сам колокол, а затем и вовсе перешло во фразеологический фонд в составе указанной ФЕ. Дословный перевод ФЕ *bujda na*

resorach – ‘ерунда на рессоре’. Рессора представляет собой элемент ходовой части автомобиля. Это слово является элементом специализированной лексики и не входит в активный пласт польского языка. Однако в рамках обозначенной ФЕ произошло переосмысление – лексема употребляется в сочетании с просторечным словом, что создает оригинальный эффект.

4. Фраземы, состоящие из слов общепринятого языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями (рус. *быть в ответе* ‘нести ответственность за кого-либо’, пол. *co nagle, to po diable* ‘поспешишь – людей насмешишь’). ФЕ *быть в ответе* иллюстрирует особенность русского менталитета: если человек берет на себя ответственность за кого-либо или что-либо, то он *отвечает* за него, т.е. фактически защищает, принимает на себя все сложности. Польская ФЕ *co nagle, to po diable*, возникшая на основе поговорки, демонстрирует специфику этноязыкового сознания поляков: действие, совершенное слишком быстро, имеет плохую результативность, а раз она плохая, то непременно связана с *дьяволом*.
5. Фраземы, порожденные фразеологизацией словосочетаний и предложений, взятых из художественных произведений (рус. *остаться у разбитого корыта* ‘остаться ни с чем’ (А.С. Пушкин); пол. *stroić się w cudze piórka* ‘притворяться более высокопоставленным человеком’, досл. ‘наряжаться в чужие перья’ (Эзоп)). Оказиональные фраземы, в большинстве своем, характеризуются экспрессивностью, оригинальностью образов, неординарностью. Неслучайно многие из них, как и приведенные примеры, переходят в разряд узуальных. Так, фраза *остаться у разбитого корыта* возникла благодаря «Сказке о

рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Сюжетный поворот, согласно которому алчная старуха теряет все дары рыбки и остается со старым корытом, привел к появлению фраземы. Образ *корыта* стал олицетворением краха из-за жадности и лег в основу выражения. Семантика фраземы не связана напрямую с семантикой отдельных ее компонентов и обусловлена исключительно содержанием литературного произведения.

Фразема *stroić się w cudze piórka* появилась благодаря одноименной басне Эзопа и служит для характеристики человека, пытающегося казаться лучше и богаче, нелепо прикидываясь персоной другого социального слоя. Учитывая первоисточник – творчество знаменитого автора античности – полные эквиваленты этой фраземы можно встретить в разных языках, в т.ч. русском. Примечательно, что в русскоязычном пространстве происхождение фраземы обычно ассоциируется с басней И.А. Крылова, представляющей собой переложение басни Эзопа.

6. Фраземы, основанные на библейских сюжетах и мотивах (рус. *запретный плод* ‘нечто заманчивое, но недоступное’; пол. *sądny dzień* ‘время расплаты за грехи’ (досл. ‘судный день’). ФЕ *запретный плод* появилась благодаря сюжету о грехопадении Адама и Евы, вкусивших плод с дерева познания добра и зла, несмотря на запрет Бога. Польская фразема репрезентирует представление о так называемом судном дне – моменте, когда, согласно христианским представлениям, наступит конец мироздания, и каждому жителю Земли придется держать ответ перед Богом.
7. Фраземы, репрезентирующие специфику повседневных реалий. В составе таких единиц также частотны безэквивалентные лексемы, несущие на себе весомый этнокультурный отпе-

чаток. Происхождение подобных выражений связано с наблюдениями носителей языка за окружающим миром. характера (рус. *как с гуся вода* ‘кому-либо все нипочем’, пол. *zniknąć jak kamfora* ‘исчезнуть без следа’, досл. ‘исчезнуть, как камфара’). ФЕ такого типа построены на основе наблюдений, сделанных представителями каждого из этносов. Так, например, оперение гусей покрыто особым жиром, отталкивающим влагу. Отсюда и возник перенос значения: человек, которому нипочем любые замечания, сравнивается с птицей, по перьям которой скатывается вода. ВФ польской ФЕ связана с химическими свойствами камфары, активно использовавшейся в хозяйстве: кристаллы, содержащиеся в веществе, достаточно быстро испаряются на воздухе.

8. Фраземы, представляющие собой отражений народных суеверий и традиций. (рус. *как рукой сняло* ‘бесследно исчезло’; пол. *w czerku się urodził* ‘в рубашке родился’, досл. ‘в чепчике родился’). ФЕ *как рукой сняло* восходит к вере в заговоры. Действия знахарок, решавшие, по мнению деревенских жителей, многие проблемы нередко сопровождалась активной жестикомуляцией, что и привело к появлению подобного выражения.

ВФ связана с представлением славян о том, что редкая особенность – появление новорожденного с пленкой на голове – свидетельствует о том, что в жизни его ждет особая удача.

В течение длительного времени главным и едва ли не единственным маркером этнокультурной наполненности служило использование безэквивалентных компонентов в составе фраземы. По мнению Д.О. Добровольского, такой подход является в корне неверным, т.к. фиксация в качестве национально-окрашенных только выражений, содержащих лексемы-реалии, приводит к тому, что подобные идиомы превращаются в маргинальное явление

[Добровольский, 1997: 39]. При этом исследователь отмечает, что излишне поверхностное отношение к подобным языковым явлениям тоже неуместно, т.к. широкий поиск приводит к ошибочным поискам отсутствующих смыслов даже в случайных межъязыковых явлениях.

Одним из наиболее значимых с точки зрения лингвокультурологии компонентов фраземы можно считать ее культурную коннотацию. Подробное описание ее структуры предлагает М.Л. Ковшова, считающая, что культурная интерпретация напрямую связана с когнитивными процессами восприятия и передачи информации как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего [Ковшова, 2013: 149]. Исходя из такого подхода, культурная коннотация имеет трехчастную структуру:

1. Мифологический компонент. Находится в глубине, поэтому представляется наиболее абстрактным. Именно на этом уровне фразема связывается с древними представлениями, архетипами, верованиями и ритуалами. Как и архетипичная картина мира, нередко представляется в виде тех или иных оппозиций.
2. Научно-познавательный компонент. Присутствует не в каждой фраземе. Напрямую связана с компетентностью носителя языка, воспринимающего или не воспринимающего культурный код фраземы. Может быть представлен фрагментарно.
3. Наивно-культурный компонент. Отражает особенности мировоззрения, стереотипы и установки, актуальные на момент функционирования фраземы в языке. Противопоставлен мифологическому компоненту как синхроничный диахроничному, т.к. демонстрирует философию, которая находится в сознании человека в настоящее время, а не заложена исторически.

Продemonстрируем соотношение этих компонентов на примере фраземы *на ладан дышать*. Первый компонент можно в виде оппозиций «живой/мертвый», «здоровый/больной», «счастливый/несчастливый». Второй компонент предполагает актуализацию знаний об особенностях христианских

религиозных ритуалов: над тяжело больным человеком, находящимся при смерти, проводится соборование. Одним из элементов обряда становится раскачивание кадила с ладаном (особым видом масла, используемым при богослужениях и издающим специфичный запах при нагревании). Третий компонент предполагает соотнесение обряда, проводимого над умирающим, с состоянием человека как таковым.

Одним из наиболее продуктивных способов вычленения культурологической составляющей из фраземы представляется лингвокультурологический комментарий. По мнению Л.А. Ковалевской, он должен включать в себя этимологический анализ, страноведческую информацию и соответствующее им культурологическое пояснение [Ковалевская, 2009: 232]. Такой подход позволяет обратить внимание на происхождение выражения и его привязку к той или иной местности (наиболее культураносным особенностям каждой единицы) и дать им необходимое пояснение.

Иной ход рассуждения демонстрирует М.Л. Ковшова. Она предлагает два типа комментариев. Первый из них, *обычный*, предназначен для читателей без серьезной специальной подготовки и предполагает использование базовой информации о фраземе. Более сложным становится *глубокий* комментарий, базирующийся на серьезных исследованиях и предназначенных для специалистов. Содержание такого комментария предполагает соотнесение стержневого образа фраземы/отдельного компонента/ВФ с архетипичными образами, культурными пластами, а также актуальными культурными кодами, тропами, литературными источниками и т.п. [Ковшова, 2013: 159].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Взаимосвязь ЭС и ЯКМ носит двунаправленный характер. . С одной стороны, ЭС продуцирует векторы формирования ЯКМ, обуславливает его специфику. Но с другой, именно сложившаяся ЯКМ накладывает отпечаток на этноязыковое сознание представителей целых этносов, закладывая в него накопленными предыдущими поколениями опыт.
2. ЯКМ не создает картину мира, а служит ее репрезентатом при помощи вербальных средств. Только человек создает окружающей его мир, язык выступает лишь в роли «инструмента». При этом что речь идет не о зеркальном отражении, а о сложном процессе, объединяющем логическое и чувственное познание
3. Яркий признак ЯКМ – ее антропоцентричность. Во многом это обусловлено именно взаимодействием с ЭС. Как человек выстраивает мир вокруг себя через призму собственного миропонимания, так и язык моделирует повседневные реалии с опорой на абстрактную личность, находящуюся в центре событий.
4. Обширное культуроносное наполнение каждой фраземы обусловлено глубокой образностью, кроющейся в основе всех единиц. с одной стороны, в их основу положен культурный код, проявляющийся при появлении фраземы, а затем, после интерпретации, происходит актуализация культурных смыслов.
5. Место фразематики в структуре ЯКМ во многом определяется ее антропоцентричностью. ФЕ приобретают ярко выраженную субъективность и преимущественно используются в качестве средства демонстрации оценки, даваемой тем или иным явлениям.
6. К маркерам этнокультурной ценности фразем можно отнести связь с античной культурой, религией, повседневными реалиями, художественной литературой и т.п.

ГЛАВА 2

**ФУНКЦИИ ФРАЗЕМИКИ В КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА***2.1. Типология фразеологических параллелей*

Сопоставительный анализ фраземики предполагает четкое разграничение разных категорий исследуемых единиц. Особую важность приобретает классификация, связанная с эквивалентностью фразем в пределах рассматриваемых языков. Большой интерес представляют работы Э.М. Солодухо, А.Д. Райхштейна, Т.Н. Федуленковой, А.В. Кунина, Е.Ф. Арсентьевой, связанные с компаративным подходом к изучению фраземики.

Сопоставительный анализ фраземики предполагает обращение к понятиям *изоморфизма* и *алломорфизма*. Эта терминология была перенесена в языкознание из математики Е. Куриловичем, впервые заговорившем о языковом изоморфизме как значимом явлении. По мнению В.Д. Аракина, под термином понимается «подобие, или параллелизм, отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, ее составляющих» [Аракин, 2005: 23]. Иными словами, изоморфизм в лингвистике предполагает межъязыковую идентичность тех или иных явлений, фактов, единиц.

Изоморфизму в языке противопоставлен алломорфизм, указывающий, соответственно, на расхождения в исследуемых явлениях. Т.Н. Федуленкова предложила ввести понятие *идиоматического алломорфизма*, заключающегося в значимых различиях между семантикой фраземы и ее ВФ. Такое явление существенно усложняет перевод фраземы с одного языка на другой: учет особенностей семантики выражения не является гарантом синхронизации ВФ и чаще всего разрушает образную структуру исходного выражения. Парадоксально, но в сам идиоматический алломорфизм языка представляется явлением изоморфным, «поскольку фразеологическая единица любого языка, по определению предполагает наличие семантической модификации компонентного состава» [Федуленкова].

Изучение фраземики в сопоставительном аспекте предполагает повышенное внимание именно к изоморфным, а не к алломорфным явлениям. Это обусловлено сразу двумя причинами:

1. Выявление схожих черт позволяет обнаружить идентичные механизмы фразеомобразования и, как следствие, обозначить близкие свойства этноязыкового сознания.
2. Исключая из анализа идентичные характеристики, исследователь обозначает основные различия, что способствует продуктивности дальнейшего изучения материала.

Наиболее продуктивной, на наш взгляд, представляется классификация типов межъязыковых соответствий, предложенная Е.Ф. Арсентьевой. Предлагаемый исследователем подход базируется на компонентной теории тождества/различия семной структуры фразеологического значения. Исходя из этого, можно выделить 3 типа межъязыковых соответствий:

- 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные);
- 2) фразеологические аналоги (полные и частичные);
- 3) безэквивалентные ФЕ.

Для первой группы – *фразеологических эквивалентов* – характерна идентичность не только семантики, но и грамматической организации выражения, а также отдельных его компонентов. Безусловно, учитываются и особенности функционирования каждого из исследуемых языков, особенно в области синтаксиса и морфологии. Примерами могут послужить такие пары русских и польских единиц, как *землю грызть* // *ziemię gryźć* ‘усердно добиваться чего-либо’, *работать за четверых* // *robić za czterech* ‘усердно работать’.

Фразеологические аналоги – это «ФЕ, выражающие одинаковые или близкие значения, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы» [Арсентьева]. На практике это обычно проявляется различием одного и более компонентов в структуре фра-

земы. Чаще всего структура каждого из выражений совпадает (настолько, насколько это позволяет грамматическая организация каждого из языков), разница проявляется лишь в ключевом образе, который может не играть ведущую роль с синтаксической точки зрения, но и доминировать с позиций смысла. Такова пара фразем *ni крошки // ani skibki niema* ‘ничего нет’. Если в русской фраземе ключевых компонентов является лексема *крошки*, то в польской – *skibka*, обозначающая кусок хлеба, вырезанный примерно из середины буханки. Получается, что в аналогичных фраземах используется один и тот же сюжет (полное отсутствие чего-либо, проявляющееся в нехватке хлебных изделий), один и тот же продукт, однако в разных его формах.

Различия могут затрагивать и сразу все компоненты. Примером служит пара фразем *leżać na wątpiach // сидеть в печенках* ‘сильно надоест’. Разными здесь оказываются как глагольный компонент (*лежать* в польском варианте против *сидеть* в русском), так и именной (*внутренности / печенка*). Примечательно при этом, что такое различие не является принципиальным, а основная фразеологизированная ситуация все равно оказывается идентичной.

Сопоставительный анализ фраземики указывает на частотность межъязыковых фразеологических аналогов (далее – МФА). При этом особенно часто такой тип эквивалентности встречается в неродственных языках. Такое явление обусловлено наличием межъязыковых универсалий (например, связанных с характеристикой разных сфер деятельности). Если близкородственные языки продуцируют на их основе фраземы-эквиваленты, то в языках без глубокой генетической общности происходит переосмысление подобных выражений под влиянием особенностей мировоззрения, менталитета и установок, свойственных этносу-носителю.

Для *безэквивалентных фразем* характерным оказывается отсутствие соотносимой единицы в другом языке. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, такие выражения представляют наибольшую ценность с точки зрения лингвокультурологии. Именно здесь нашли свое максимальное от-

ражение особенности культуры, истории, ментальности носителей языка, проливающие свет на специфику их этноязыковое сознание. Например: рус. *лясы точить* ‘болтать’, *в бирюльки играть* ‘заниматься ерундой’; пол. *nosić dwa języki w gębie* ‘говорить то одно, то другое’ (досл. ‘носить два языка во рту’), *dostać ucho od śledzia* ‘ничего не получить’ (досл. ‘получить ухо от селедки’). Безэквивалентные фразеологические единицы (далее – БФЕ) представляют большую сложность и при переводе. Дословный перевод не позволяет читателям понять значение выражения, а описательный (дескриптивный) хоть и более продуктивен в плане семантики, имеет весьма существенный изъян: лишает исходную единицу присущей ей образности. Примечательно, что БФЕ занимают относительно малочисленную группу в каждом языке. Причиной этому служит тот факт, что большинство фразеологизируемых понятий, будучи связанными с человеком, все же представляют собой универсалии. Основное различие проявляется непосредственно во фразеологическом событии, мотивировочном признаке и иных факторах, оказывающих влияние на окончательное оформление фраземы. Благодаря этому особое распространение получают МФА, синтезирующие в себе языковые универсалии и национальную идентичность.

В рамках сопоставительного исследования фраземики, организуемого на базе отдельных художественных произведений, на наш взгляд, уместно говорить о *внутритекстовой* и *внетекстовой* эквивалентности. Это связано с тем фактом, что нередко отсутствие фразеологического эквивалента или аналога в тексте-реципиенте обусловлено не отсутствием искомой единицы в словарном фонде языка, а особенностями подхода переводчика, стилистикой текста, спецификой ЯКМ и иными факторами. Однако опираться исключительно на статистику лексикографических источников, не учитывая особенности подбора эквивалентов или предпочтения в пользу дескриптивного перевода, тоже нельзя. Выбор, сделанный не в пользу зафиксированной словарем фраземы, может быть обусловлен одним из важных факторов:

- фразема-эквивалент (аналог) не входит в активный словарный запас носителей языка на момент подготовки переводного текста;
- фразема-эквивалент (аналог) имеет в языке-реципиенте дополнительную коннотацию и/или отличия в семантике, что не соответствует содержанию текста-донора;
- идиостиль переводчика предполагает сокращение числа фразем в готовом тексте и/или приоритет в пользу фразем с определенной стилистической окраской.

Так или иначе, для изучения особенностей этноязыкового сознания большую важность приобретает как внутритекстовая, так и внетекстовая эквивалентность. В рамках настоящей работы большее внимание будет уделяться именно внутритекстовой эквивалентности как особенности идиостиля, однако тщательному анализу подвергнется ряд БФЕ внетекстового типа.

По мнению Е.Ф. Арсентьевой, наиболее частотными являются МФА. Результаты настоящего исследования опровергают это утверждение: около 60% проанализированных единиц относятся к межъязыковым фразеологическим эквивалентам (далее – МФЭ). Возможно, такое расхождение обуславливает специфика материалов исследования: работа Е.Ф. Арсентьевой построена на сопоставлении фразем английского, русского и татарского языков, не являющихся родственными, тогда как настоящий анализ направлен на соотнесение русских и польских выражений, имеющих общие славянские корни.

Соотношение групп фразеологических соответствий, обнаруженных в произведениях каждого из выбранных авторов, представлено на диаграмме [Рисунок 1]:

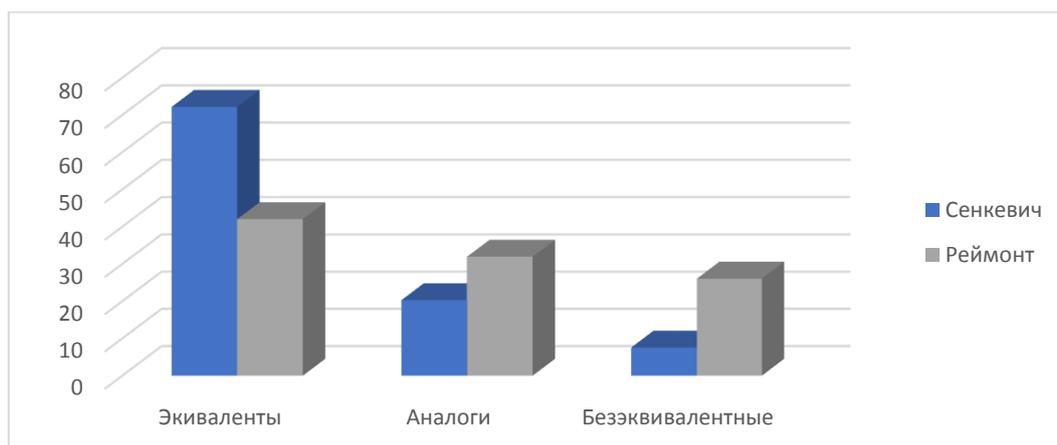

Рисунок 1. Группы фразем по эквивалентности

Очевидно, что при явном преобладании МФЭ над остальными группами фразеологических параллелей, их соотношение в произведениях каждого из авторов различается. Так, в текстах Г. Сенкевича более 70% выявленных фразем являются эквивалентными, тогда как число безэквивалентных единиц не превышает 8%. Гораздо менее явно эта разница просматривается в произведениях В. Реймонта: на 42% единиц, имеющих полные или частичные эквиваленты, приходится 26% безэквивалентных выражений.

Существуют и иные подходы к разграничению межъязыковых соответствий. Так, например, интерес представляет теория межъязыковой идиоматичности, предложенная М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, а впоследствии дополненная Е.Г. Селезневой. По мнению исследователей, межъязыковая идиоматичность представляет собой «такое соотношение двух выражений сопоставляемых языков, когда хотя бы одна из лексем языка – оригинала передается на язык перевода не через свое соответствие по прямому номинативному значению» [Селезнева, 4]. При этом идиоматичность имеет 5 степеней, демонстрирующих глубину соответствия: от полной эквивалентности до абсолютного отсутствия соотносимой фраземы. На наш взгляд, такой подход оптимален при работе с фраземами из генетически неродственных языков. В иных случаях более продуктивной становится классификация Е.Ф. Арсентьевой, которой мы и будем придерживаться в данном исследовании.

2.1.1. Фразеологические эквиваленты

Фразеологические эквиваленты отличаются полным совпадением как семантики, так и структурных особенностей, а также ВФ. По мнению А.Д. Райхштейна, критерии эквивалентности «касаются компонентного состава, синтаксической структуры, семантического и формального механизма фразеологичности и совокупных стилистических свойств ФЕ» [Райхштейн, 1980: 15]. На основе критериев, предложенных Р.А. Аюповой, мы выделили следующие параметры фразеологической эквивалентности:

- наличие компонентов универсалий (соматизмов, бытовой лексики, зоонимов, фитонимов и т.п.): рус. *время от времени*, пол. *od czasu do czasu* ‘периодически’; рус. *дрожать, как осиновый лист*, пол. *trząść się w sobie, kiej osika* ‘сильно дрожать’ и т.д.;
- принадлежность к книжному стилю, нейтральная окраска. Именно просторечные фраземы содержат максимальную экспрессивность, а, следовательно, имеют наибольшую значимость для раскрытия особенностей этноязыкового сознания: рус. *вымокнуть до нитки* – пол. *przemoknąć do nitki* ‘сильно промокнуть’; рус. *высосать кровь*, пол. *wysysać krew* ‘измучить’;
- связь семантики фраземы с общечеловеческими ценностями, абстрактными понятиями и т.п.: рус. *хватать за сердце* – пол. *brać za serce* ‘волновать’; рус. *злой, как пес* – пол. *zły, jak pies* ‘очень злой’.

Выделяют два типа МФЭ: **полные** и **частичные**. Для первой группы характерно абсолютное совпадение сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов значения, а также идентичность грамматической организации. Частотность таких фразем характерна именно для родственных языков, коими являются русский и польский. В генетически разных языках полная эквивалентность встречается достаточно редко, что обусловлено не только разницей в этноязыковом сознании, влияющей на содержательную

сторону фразем, но и особенностями грамматической системы. Русский и польский, будучи флективными языками со схожими моделями фразеобразования, дают возможность продуцировать большое количество полных МФЭ:

- рус. *затаить дыхание* – пол. *dech wstrzymać* ‘напрячься, затаиться’;
- рус. *в мгновение ока* – пол. *w mgnieniu oka* ‘быстро’;
- рус. *провалиться с головой* – пол. *wlecieć z głową* ‘погрузиться’;
- рус. *языком молот* – пол. *ozorem mlec* ‘болтать’.

Полным МФЭ противопоставлены частичные. От МФА их отличает тот факт, что разница между двумя единицами проявляется в незначительных несоответствиях отдельных компонентов друг другу (подбор синонимов, употребление слов с разной стилистической окраской и т.п.). Продуцировать частичную эквивалентность могут и определенные особенности грамматической организации каждого из выражений:

- рус. *дурной глаз* – пол. *złe oczy* ‘взгляд, способный причинить вред (суеверие)’ – используются синонимичные лексемы *дурной* и *złe* (досл. ‘злой’);
- рус. *слабая струнка* – пол. *łaba strona* ‘уязвимое место’ (употребление слова с уменьшительным суффиксом, приобретающим специфичное значение в русском языке);
- рус. *рвать на себе волосы* – пол. *rwać sobie włosy* ‘сильно нервничать’ (русская и польская формы местоимения *себя (sobie)* имеют разное грамматическое значение).

Наличие большого количества МФЭ в русском и польском языках (около 60% от всех исследованных фразем) наглядно демонстрирует наличие схожих тенденций в сознании представителей каждого из этносов.

2.1.2. Фразеологические аналоги

Как и МФЭ, МФА делятся на **полные** и **частичные**. Полные МФА похожи на частичные МФЭ с той лишь разницей, что представленные в парных фраземах несоответствия проявляются более явно. Например:

- рус. *бока наломать* – пол. *giry poprzetrącać* ‘избить’. Оба выражения идентичны как по значению, так и по модели построения. Разница заключается в ключевом компоненте: в русском варианте это *бока*, тогда как в польском – *ноги*. Оба слова являются соматизмами, что позволяет сохранить образную составляющую выражения, однако фразеологизация разных частей тела становится значимой в лингвокультурологическом аспекте;
- рус. *кот наплакал* – пол. *pies napłakał* ‘мало’. Как и в предыдущем случае, данные выражения различаются по ключевому компоненту. Оба построены по модели «животное совершает действие», причем действия в данном случае идентичны и обозначаются глаголом *наплакал* (*napłakał*). Принципиальной становится разница между используемыми зоонимами. Лингвокультурная значимость фразем с подобными компонентами будет более подробно рассмотрена далее. Стоит отметить, что образ *пса* является значимым для польской лингвокультуры и весьма частотным во фразеологии;
- рус. *пойти по миру* ‘бедствовать’ – пол. *pójść po proszonym chlebie* ‘нищенствовать’ (досл. ‘пойти за выпрошенным хлебом’) и *pójść na dziady* ‘обнищать, опуститься’ (досл. ‘пойти на нищих’). В анализируемых нами текстах было найдено сразу 2 аналога русской фраземы. В целом все они объединены общим значением и, несмотря на разницу в компонентном составе, имеют близкую общую основу: отражается ситуация, связанная с нищенством, бродяжничеством, поиском средств к существованию;

- рус. *в мыслях не было* – пол. *nie miałam w głowie* ‘не предполагать что-либо’. Достаточно интересным представляется соотношение компонентов этой пары МФА. Если в польском варианте говорится о *голове*, то в русском – о *мыслях*, т.е. своеобразном «продукте деятельности» *головы*. Получается, несмотря на достаточно существенную разницу в семантических особенностях ключевых компонентов, их взаимосвязь остается очевидной;
- рус. *идти, как по маслу* – пол. *iść to jak woda* ‘без помех и затруднений’. В данном случае различие в базовом компоненте становится определяющим. В русском варианте легкость перемещения соотносится к *маслом*, что выглядит весьма очевидным: масло отличается вязкостью и высокой жирностью, благодаря чему способно сделать любую поверхность скользкой и, следовательно, ускорить движение по ней. Мотивировочный признак польской единицы представляется более скрытым, ведь здесь речь идет о *воде*, не обладающей похожими на *масло* свойствами. Возможно, стоит обратить внимание на служебные слова в пределах фразем. Если в русском варианте предполагается, что субъект *идет как по маслу* (т.е. перемещается непосредственно по жидкости), то в польском – *как вода*. Получается, что в случае с польской фраземой основанием для сопоставления становится собственно наблюдения за самой водой: жидкость с относительно невысокой плотностью с легкостью преодолевает любые препятствия и «передвигается» быстро;
- рус. *душа направилась к пяткам* – пол. *duch skierował się ku ramię* ‘кто-либо испытывает сильный страх’. Семантика обеих единиц схожа, однако компонентный состав становится весьма примечательным. Значимые различия касаются опорного компонента: рус. *душа* и пол. *duch* ‘дух’. Принципиально различен и

объект, на который направлено действие. В русском языке душа стремится к *пяткам*, тогда как в польском *ku ramionom* (к плечам), т.е. в противоположном направлении. Это отражает специфику архетипичного представления каждого из этносов о душе человека;

- рус. *руки чешутся* – пол. *ciągotki bieraq* ‘очень хочется чего-либо’. Данный пример показывает, что в полных МФА могут различаться сразу 2 компонента. Дословный перевод Польской фраземы – ‘мурашки берут’. Вновь становится примечательной идентичностью моделей: «соматизм + глагол». Однако если в русском варианте речь идет о *руках* как «орудии» совершения действия, то в польском – о *мурашках*, являющихся физиологической реакцией, ответом организма на какой-либо раздражитель. Такая же тенденция просматривается и при анализе совокупного значения фраземы: *руки чешутся* в отношении кого-то или чего-то, тогда как *мурашки берут* только самого человека. Такая разнонаправленность на фоне близких по смыслу компонентов становится одним из лингвокультурных маркеров фраземы.

Для **частичных** МФА характерны существенные расхождения как в компонентном, так и в семантическом аспектах. Если в полных МФА можно выявить схожие механизмы переноса значения, структурно-семантические модели и т.п., то в частичных мотивировочные признаки могут быть принципиально разными. Примерами могут послужить следующие выражения:

- рус. *дышать на ладан* ‘быть близким к смерти’ – пол. *ciénko prząść* ‘терпеть нужду; сбавить тон; быть при смерти’ (досл. ‘тонко прясть’). В отличие от русской, польская фразема имеет несколько значений, и лишь одно из них имеет сходство с представленным аналогом. Если по значению в случае выбора одного из лексико-семантических вариантов сходство представляется

достаточно очевидным (обе фраземы демонстрируют тяжелое состояние и близость к смерти объекта речи), то план выражения, как и сама репрезентируемая ситуация, являются принципиально разными. В основу русской фраземы положены наблюдения за обрядом соборования, в ходе которого над умирающим человеком курится ладан. Польская фразема появилась благодаря архетипичному соотнесению жизни человека и нити. Фразеологизирован сам процесс прядения, проводится параллель между тонкой нитью, готовой порваться, и жизнью тяжело больного человека, которая также может прекратиться в любой момент. Схожий сюжет встречается и в древнегреческой мифологии;

- рус. *когда рак на горе свистнет* – пол. *jak jo wota puińde po wode* ‘никогда’. Оба выражения, при всей их семантической близости, не имеют ничего общего ни в компонентах, ни во ВФ, ни в истории происхождения. Русская фразема возникла из наблюдений носителей языка над животным миром: услышать свист рака достаточно сложно, а совместить это с перемещением членистоногого на гористую поверхность практически нереально. Согласно другой версии, источником появления стал одесский уголовный жаргон: свистеть якобы должен был вор Ракачинский, проигравший пари.

Польская единица в настоящий момент не входит в активный словарный запас и не зафиксирована фразеологическими словарями, что может указывать на ее окказиональность. Ее дословный перевод – ‘когда вы по воде пройдете’. В основе фраземы лежит физическая невозможность человека проходить по водной поверхности. Возможно, здесь присутствует и связь с библейским сюжетом об одном из чудес, продемонстрированных Иисусом Христом, сумевшим пройти по морю;

- рус. *глаза на лоб вылезли* ‘высочайшая степень удивления’ – пол. *oko zbielało* ‘восторг, вызывающий удивление, граничащее с завистью’ (досл. ‘глаз побелел’). Несмотря на общую сему ‘удивление’, совокупное значение фразем различается. Имеются принципиальные различия и в компонентном составе, а также в ВФ. За основу берется один и тот же орган – глаз, но в русском варианте удивление проявляется в его увеличении, а в польском – изменении цвета;
- рус. *любить как собака палку* ‘ненавидеть’ – пол. *kochać jak psy dziada* ‘ненавидеть’ (досл. ‘любить, как псы деда’). Смысловая общность обеих фразем противопоставлена существенным различиям в плане выражения. Русская фразема построена по принципу «от противного»: предполагается, что *собака* способна получить от *палки* исключительно побои, а следовательно, не может относиться к ней положительно. Польская фразема является усеченным вариантом поговорки, поэтому раскрыть ее ВФ можно только при обращении к полному варианту – *Kochać jak psy dziada w ciasnej ulicy* ‘Любить как псы деда в тесной улице’. Подобные способы фраземотворения встречаются и в русском языке: напр., *чудеса в решете* от *Чудеса в решете – дыр много, а выскочить некуда*. Примечательно, что если в русской фраземе *собака* выступает в качестве пострадавшей стороны, то в польской – наоборот (*псы* способны загрызть человека, встретившего им на тесной улице, т.е. проявить агрессию по отношению к нему);
- рус. *выйти из себя* – пол. *stracić pamięć* ‘потерять контроль над собой, разнервничаться’. В рассматриваемых нами текстах данные фраземы выступили в качестве МФА, тогда как их словарные дефиниции не имеют ничего общего. Фразема *выйти из себя*

построена на представлении о целостности физического облика человека и его духовной сущности. Получается, что изменение привычного поведения, нарушение общепринятых норм ощущается как утрата самого себя, потеря собственного тела. Польская фразема *stracić pamięć* (досл. ‘утратить память’) в узуальном употреблении служит для обозначения проблем с памятью или полной ее потери (полный МФЭ с таким значением есть и в русском языке). Однако в тексте Г. Сенкевича значение меняется. Возможно, это связано с представлением о *памяти* как о воплощении разума человека, выполняющего функции самоконтроля. Утрата возможности корректировать собственное поведение соотносится с невозможностью выполнять эту функцию, утратой *памяти* как принципиально важного «инструмента».

С точки зрения лингвокультурологии анализ МФА может представлять большую значимость. Так, например, чрезвычайно интересным стал разбор пары аналогов рус. *молоко на губах не обсохло* ‘о том, кто слишком молод и неопытен’ – пол. *koszulę w zębach nosić* ‘кто ведет себя, как ребенок’ (досл. ‘рубашку в зубах носить’). В целом, семантика обоих выражений достаточно схожа: фраземы содержат указание на юный возраст объекта речи. Значимой становится коннотация: русская фразема несет в себе оттенок пренебрежения, тогда как польский является нейтральным. Образная составляющая польской фраземы тесно связана с другим русским выражением – *в сорочке родиться* ‘быть удачливым’. Обе фраземы возникли на основе поверья, согласно которому под *рубашкой* понимается «оболочка на голове или теле новорожденного младенца» [Алефиренко, Золотых, 2008: 356]. Эту пленку считали талисманом и хранили на протяжении всей жизни. Нередко ее брали с собой в военные походы, а повитухи даже продавали такие оболочки богатым людям.

Данный образ является сквозным не только для славянских, но и для других европейских лингвокультур. Так, во французском и немецком языках

функционируют аналогичные по смыслу фраземы, однако *рубашку* здесь заменяет *чепчик* или иной головной убор. Такая метафоризация вполне логична: пленка у новорожденного находится на голове и вполне может ассоциироваться с головным убором. Славянское лингвокреативное мышление переносит значение по более сложным признакам. Однако интересно заметить, что в польском языке успешно функционирует не только уже упомянутая ФЕ *koszulę w zębach nosić*, но и другая – *w czepku się urodzić się* (досл. ‘в чепчике родиться’). Она является МФЭ немецкой и французской фразем. Это демонстрирует особое положение польской лингвокультуры, вбирающей в себя славянские и европейские элементы.

Наличие подобных МФА демонстрирует наличие в рассматриваемых лингвокультурах разных образов, закрепленных за идентичными или схожими понятиями. Сопоставление МФА с разными компонентами позволяет определить, какой образ является более значительным для того или иного этноса.

2.1.3. Безэквивалентные фраземы

Как уже отмечалось ранее, БФЕ представляют наибольшую ценность для лингвокультурологического анализа. По мнению Е.Ф. Арсентьевой, в них «воплощены особенности психологии, способа мышления, специфические условия развития материальной и духовной жизни народов» [Арсентьева]. При этом речь в данном контексте идет именно о внетекстовой эквивалентности как безусловном показателе национальной идентичности единицы. Такие БФЕ сравнительно скудно представлены во всех языках, поэтому их поиск становится чрезвычайно сложной, но важной задачей.

В силу своей уникальной образности БФЕ становятся серьезной проблемой для переводчиков. Ранее мы уже говорили о том, что наиболее популярным становится дескриптивный тип, при котором перевод осуществляется пи помощи словосочетания или предложения, транслирующего семантику выражения, но не сохраняющего его образную составляющую (например,

польская фразема *siedzieć w kozie* (досл. ‘сидеть в козе’) в переводном тексте звучит как *находиться в тюрьме*).

Кроме дескриптивного способа перевода Р.А. Аюпова выделяет еще 3 вида [Аюпова, 2004: 4]:

1. Калькирование – предполагает пословный перевод фраземы. Используется сравнительно редко, т.к. образная суть и, следовательно, семантика выражения обычно непонятны носителям другого языка. Так, например, *krokwie gryźć* переводится как *стронила кусать*, однако даже для русскоязычного читателя, носителя славянской лингвокультуры, такой перевод не становится ключом к пониманию совокупного значения – ‘голодать’.
2. Лексический способ заключается в передаче семантики фраземы с помощью одной лексемы. Позволяет максимально точно и лаконично передать значение выражения, но при этом полностью разрушает его образную составляющую, а также чаще всего исключает имевшиеся коннотации. Таким примером может послужить перевод фраземы *podszyty wiatrem* (досл. ‘подшитый ветром’) с помощью лексики *дырявый*. В отдельных случаях возможен и обратный процесс: лексема переводится с помощью фраземы: пол. *pomstować* ‘проклинать’ – рус. *ругать на чем свет стоит*.
3. Комбинированный способ предполагает сочетание сразу нескольких вышеуказанных приемов. В работе с художественными текстами он не используется и встречается обычно в научной и научно-популярной литературе, а также лексикографических источниках. Его цель – предоставить читателю максимально полную, разностороннюю информацию о фраземе. Например: *hetka-pętelka* – «кляча-петелька», никчемный человек. Здесь совмещается калькирование и дескриптивный перевод.

Внетекстовые БФЕ встречаются достаточно редко, что обусловлено их малочисленностью во фразеологическом фонде каждого языка. При сопоста-

вительном анализе оригинальных текстов и их переводов возникают дополнительные сложности. Так, использование БФЕ в текстах-реципиентах обычно обуславливается не спецификой текстов-доноров, а творческим подходом переводчика и его идиостилем.

Характерными для польской лингвокультуры оказываются БФЕ, отражающие те или иные национальные стереотипы. Фразеологизируются стереотипы именно о тех этносах, с которыми носители языка взаимодействуют чаще всего, например, о евреях и немцах. Примечательно, что в исследуемых текстах нам не встретилось ни одной фраземы, связанной с русскими, хотя на момент написания произведений Польша была частью Российской империи. Возможно, именно этот факт (сложные общественно-политические и межэтнические взаимоотношения, цензура и т.п.) и повлиял на более осторожное упоминание русских в языке. Возможна и иная причина. Учитывая характерную для фраземики пейоративность, нельзя не заметить, что выражения, касающиеся каких-либо национальностей, содержат в себе негативную коннотацию. Следовательно, отсутствие подобных выражений в исследуемом материале может служить показателем положительного отношения к представителям того или иного этноса.

Примером БФЕ, касающихся стереотипов, может служить выражение *niby chłop Żyda za łeb (potrząsał)* ‘сильно (тряс)’ (досл. ‘как мужик еврея за голову’). Скорее всего, такая фразема служит репрезентантом взаимоотношений между представителями разных слоев населения в Польше: евреи часто занимались ростовщической деятельностью и ассоциировались у носителей языка именно с финансовыми операциями (что также находит подтверждение в исследуемых текстах). Мужики (крестьяне) – представители бедной части населения, вынужденные периодически брать деньги в долг, что не могло не приводить к периодическим столкновениям. Такие взаимоотношения и могли найти отражение в языке.

Как уже отмечалось ранее, для БФЕ характерно включение компонентов, являющихся уникальными для того или иного этноса. Примером может

послужить русская фразема *гол как сокол*. Согласно наиболее распространенной версии, слово *сокол* обозначало стенобитное орудие, выполненное в виде окованного металлом бревна или же чугунного бруса. Поверхность такого бревна была абсолютно пустой и гладкой. Эта пустота и породила фразему, проведя параллель с очень бедным человеком, лишенным какого-либо имущества.

В польском языке нет фразем с подобным стрежневым компонентом. Однако нами был зафиксирован случай употребления фраземы *na glanc* (досл. 'на глянец') в качестве внутритекстового аналога вышеуказанного выражения. Примечательно, что в современном польском языке эта фразема имеет совершенно другое значение – 'до блеска'. Это подтверждается сразу несколькими лексикографическими источниками. Получается, что в тексте В. Реймонта фразема употреблена в устаревшем или окказиональном значении. Вполне вероятно, что оно появилось под влиянием русской фраземы. На это указывает отдаленная взаимосвязь образов: соотнесение *глянцевой* поверхности и схожего с ней *металла* как олицетворения бедности.

Одним из источников БФЕ становится религиозная лексика. Учитывая, что представители русского и польского этносов принадлежат к разным конфессиям, что не может не отражаться в языке. Таковая, например, польская фразема *laskiś pełna* (досл. 'благодати полна'). Выражения взято из текста молитвы, поэтому этимологически представляет собой кальку с латинского *gratia plena*. Со временем выражение стало активно использоваться и вне молитвенного текста, превратившись в одну из фатических форм (более подробно они будут рассмотрены далее). Учитывая, что в русском языке подобных аналогов нет, переводчик предпринял попытку перевести фразему с помощью калькирования – *радуйся, благодатная*. Однако такой подход хоть и дает представление о значении каждого из компонентов, все же не позволяет понять истинные функции выражения – приветственная, междометная и т.п.

Интересной представляется и БФЕ *chuda fara* ‘бедность, нищета, беда’. В современном польском языке лексема *fara* является малоупотребительной, однако в старопольском языке лексема служила для номинации части передней костела, где и собирались люди. Именно там обычно собирали милостыню, что и сказалось на последующем переосмыслении выражения. Это подтверждается словами В. Потоцкого: «*Utraciwszy wieś dzieciom, pójdiesz sam do fary*» (досл. *Потеряв детей, сам к фаре пойдешь*): утрата детей, способных поддержать родителей в старости, прямой путь к фаре, т.е. к попрошайничеству. Образ фары также нашел отражение в многочисленных паремиях:

- *chuda fara, sam ksiądz dzwoni* – досл. *нищий приход, сам ксендз звонит*;
- *chuda fara plewą dzwoni* – досл. *нищий приход дешево звонит*;
- *chuda fara — panna stara* – досл. *нищий приход – старая женщина*;

Кроме того, под *фарой* в переносном значении могли пониматься и сами прихожане, что отмечает Samuel Bogumił Linde [Linde, 1807: 630]. Все это делает ВФ фраземы более понятной. Приход костела осознается как место для выпрашивания милостыни, а если и самый приход/костел является нищим, то финансовое положение представляется особенно сложным. Такая фразема не только включает в себя национально идентичный компонент, демонстрирующий представления далеких предков, но и становится чрезвычайно значимой для лингвокультурологического анализа.

Показательной можно считать БФЕ *siedzieć w kozie*. На русский текст она переведена дескриптивным способом – *сидеть в тюрьме*. ВФ этого выражения совершенно непонятна для русской лингвокультуры. Даже носитель польского языка с трудом может выявить мотивировочный признак, положенный в основу данной фраземы, т.к. она возникла в результате ошибки: на месте *koza* первоначально находилась *kloza* ‘тюрьма’ (образовано от лат. *clousa* ‘закрывание’). Замена слова произошла в результате созвучия, а впослед-

ствии фразема претерпела дополнительную метафоризацию и стала функционировать в лексиконе школьников.

Чрезвычайно интересной становится интерпретация БФЕ *лазаря тянуть* 'прикидываться несчастным'. Она дважды встречается в переводе рассказа «*Za chlebem*» («За хлебом»), однако оба раза в польском тексте на этом месте воспроизводится одна и та же ситуация: субъект просит милостыню у церкви, исполняя песню. Автор даже включает в текст названия народных песен, которые могли бы быть исполнены у ворот костела. Переводчик М. Вальден упростил для русского читателя эти конструкции, включив в текст более понятный ему образ. Фразема *лазаря тянуть* появилась на основе ситуации, родственной той, что включена в тексты Г. Сенкевича: при выпрашивании милостыни в царской России часто исполнялась песня, созданная по мотивам известной евангельской притчи о Лазаре. Таким образом, эта ФЕ хоть и имеет связь с библейским сюжетом, но весьма опосредованную.

Подобный анализ как отдельных компонентов, так и всей фраземы в целом, проводимый с лингвокультурных позиций, позволяет заметить, что в составе таких единиц присутствует специфично бытовая, религиозная, просторечная и иная лексика, репрезентирующая картину мира, традиции, стереотипы и иные элементы ментальности. Обычно такие фраземы имеют ярко выраженную коннотацию, чаще всего оценочную.

2.2. Фраземика в лингвокультурологическом осмыслении

2.2.1. Фраземы, связанные с религиозной тематикой

Как уже отмечалось ранее, ЯКМ тесно связана с религиозной картиной мира (далее – РКМ). Именно религия оказала огромное влияние на сознание представителей каждого из этносов, что не могло не отразиться на языке в целом и фраземике в частности.

Все фраземы, связанные с религиозной тематикой, можно разделить на 2 группы. Первая объединяет фраземы, построенные на основе библейских

сюжетов, а вторая – фраземы, содержащие религиозную лексику. Первая группа в собранном нами материале представлена достаточно скудно. Возможно, это обусловлено стилистическими факторами: библейские фраземы чаще всего относятся к возвышенному стилю, тогда как в текстах В. Реймонта и Г. Сенкевича присутствует преимущественно нейтральная и разговорная лексика.

Библейские сюжеты, которые закладываются в основу фразем, обычно имеют негативный характер. Во многих случаях они связаны с иллюстрацией ужасов, который могут ждать после смерти грешника: рус. *страшный суд*, пол. *straszny sąd*; рус. *человеческая геенна*, пол. *Gehenna ludzka*; рус. *судный день*, пол. *sądny dzień* и др. Это демонстрирует особенности славянской религиозной картины мира, для которой божественные силы воспринимаются не только как абсолютно светлые и добрые, но и как имеющие полную власть над человечеством и, следовательно, возможность применять любые формы наказаний.

Связь содержания фраземы с Библией далеко не всегда представляется очевидной. Она может проявляться опосредованно. Таковы, например, фраземы с ключевым образом *крест*, который соотносится с распятием Иисуса Христа. Это обуславливает и семантику подобных выражений: все они связаны с тяжелыми жизненными обстоятельствами (например, рус. *нести крест*, пол. *niósć krzyż*) или плохим состоянием человека (например, рус. *как с креста снятый*, пол. *jak z krzyża zdjęty*).

Наиболее употребительной и продуктивной становится группа фразем, содержащих в своей составе компоненты, так или иначе связанные с церковью. Их, в свою очередь можно подразделить на *внешние*, связанные с «оболочкой» религии, особенностями проведения богослужений и т.п., и *внутренние*, касающиеся собственно религии и ее образов.

К первой группе относится, например, фразема *беден, как церковная мышь* (пол. *ubogi, jak mysz kościelna*) – ‘очень беден’. Она встречается в разных европейских языках и связана с конкретным знанием народа о церков-

ных реалиях: отсутствие продуктовых погребов вынуждает мышей голодать в здании церкви.

Вторая группа становится наиболее крупной. Сюда входят *теонимы* (лексемы, номинирующие положительные образы, свойственные той или иной религии, как собственные, так и нарицательные: *Афина, Мокошь, ангел* и т.п.) и *демонимы* (лексемы, номинирующие отрицательные образы: *Бог, дьявол, Люцифер* и т.п.). Изучение фразем с подобными компонентами помогает выявить глубину взаимосвязи РКМ и ЯКМ, а также раскрыть значимые особенности ЭС.

И для русского, и для польского этноса ведущей религией является христианство, при этом на территории России исповедуют преимущественно православие, тогда как в Польше – католичество. Это обуславливает сходство ключевых теонимических и демонимических образов: *Бог, ангел, черт, дьявол* и т.п. Однако полное представление об РКМ можно получить только в том случае, если учитывать, что до крещения славяне исповедовали язычество, причем Польша приобщилась к христианской культуре значительно позже. Все это способствует апплицированию двух РКМ, проявляющемуся и на языковом уровне. Б.А. Рыбаков характеризует этот процесс так: «Новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но остаются ощутимыми почти до наших дней» [Рыбаков, 1974: 4].

Такое взаимопроникновение двух РКМ приводит к тому, что выявление корней тех или иных теонимических и демонимических образов, фигурирующих в языке, может быть затруднено. В.М. Мокиенко установил, что существуют фраземы, которые «явно опровергают «изнутри» христианские семантические напластования и возвращают нас именно к языческим представлениям о богах» [Мокиенко, 1986: 137]. Примерами могут послужить

выражения типа *Бог мой, Боже мой*. Они чрезвычайно распространены как в русском, так и в польском языках (пол. *mój Boże, dla Boga*).

Подобное явление можно считать общеславянским. Так, А. Пеянович, исследовавшая русскую и сербскую фразеологию, связывает происхождение таких фразем со структурой древних заговоров и заклятий. Многие фраземы – это «обращения к самому божеству с целью просьбы, выражения благодарности и надежды, ожидания положительного результата в исходе событий» [Пеянович, 2013: 514]. Именно поэтому фраземы с теонимами и демонами не несут в себе конкретного, материального значения, но зато наполнены эмотивной составляющей.

Одни и те же религиозные компоненты могут играть разную роль в разных фраземах, причем порой эта роль может не совпадать с узуальным лексическим значением и привычными ассоциациями, закрепленными за лексемой. Так, например, фраземы с компонентом *Бог* могут выполнять следующие функции:

- олицетворение доброй силой. всепонимающей, всепрощающей и готовой помочь нуждающемуся (рус. *божья милость*, пол. *zmiłowanie Boże*);
- просьба, мольба (рус. *ради бога*, пол. *na miłość boską*);
- благодарность за успешное завершение какого-либо события (рус. *слава богу*, пол. *chwala Bogu*);
- грозная сила, способна в любой момент наказать и отнять самое ценное (рус. *господь бог отнял*, пол. *Pan Bóg zabrał*);
- предостережение (рус. *побойся бога*, пол. *bój się Boga*) и т.д.

В большинстве фразем, особенно польских, *Богу* присваивается особое значение, максимально дистанцирующее его от простых людей: например, рус. *десница господня*, пол. *ręka Boża*. Это отражает отношение носителей языка к Богу, пиетет.

Демонимы, включающиеся в состав русских и польских фразем, чрезвычайно разнообразны. R. Dźwigoł провела исследование, посвященное фраземам с компонентами *черт* и *дьявол*, характеризующим плохого человека. В результате она выявила следующие группы фразем [Dźwigoł, 2016: 207]:

- указание на негативную сущность человека посредством его сопоставления с чертом или дьяволом;
- выявление причин проявления негативных качеств (человек превратился в дьявола, поддался его искушениям, отдал ему душу или же вообще является творением лукавого);
- указание на родство человека и черта, или их дружбу, или сотрудничество;
- единство человека и дьявола;
- подчинение человека дьяволу;
- демонстрация радости дьявола из-за сложившейся ситуации.

Большинство таких фразем зародились не на основе «канонических» представлений, а благодаря существующим в народе представлениям и суевериям. Так, например, представление об акте, закрепляющем продажу души дьяволу (пол. *suograf*) служит основой для ФЕ типа кто-то в дьявола превратился. Вера в то, что ведьма может подсыпать что-либо в еду и питье, позволяет понять путь проникновения дьявола в человека, а следовательно, наделяет его негативными качествами. Обращает на себя внимание и «родственная» иерархия потусторонних сил: знаменитая чертовая бабушка по силе воздействия гораздо мощнее самого черта, что совпадает с народными представлениями о распределении полномочий в обычной семье.

Было бы ошибочно полагать, что фраземам с теонимами обязательно присуща положительная коннотация, а фраземам с демонимами – отрицательная. Так, например, славянским языкам свойственно употребление особых универсальных фразеологических моделей, в состав которых могут включаться как теонимические, так и демонимические компоненты. Самая

распространенная из них – *бог/черт его знает* (пол. *Bóg/ dyabeł wie*). Вне зависимости от выбора компонента семантика и коннотация фраземы останутся неизменными. А. Пеянович отмечает, что «причиной такой «аномалии» стали мифологические представления народа, согласно которым с принятием христианства функции древних языческих славянских богов были перенесены на демонов» [Пеянович, 2013: 517].

Фраземы без взаимозаменяемых компонентов также могут иметь неоднозначную коннотацию. Так, например, фразема *бог отнял* (пол. *Pan Bóg zabrał*) демонстрирует представление о боге как возможном нарушителе спокойного течения жизни. В свою очередь фразема *черт вышел* (*byłby czort*) наоборот имеет ярко выраженную положительную коннотацию: *Ох ты, Золзикевич, из тебя бы вышел прямо черт, а не только помощник ревизора, – ты ведь чуешь, где трава растет* [Сенкевич, 1957: 179] (пол. *Ej ty Zolzikiewicz! z ciebie byłby czort nie podrewizor, bo ty wiesz jak trawa rośnie* [Sienkiewicz]). Такая индивидуально-авторская трактовка становится проявлением особого, нестандартного отношения к потусторонним силам: несмотря на ненависть и боязнь, народ отмечает присущие им положительные качества, а именно, интеллект и умение хорошо устроиваться в жизни.

Интересными представляются авторские подходы к употреблению фразем с теонимами и демонидами. Так, в произведениях Г. Сенкевича они касаются самых разных тем, что в целом соответствует особенностям польского фразеологического фонда. В произведениях В. Реймонта сама частотность употребления таких выражений гораздо ниже (8,2% от числа всех фразем против 3,7% соответственно). При этом практически все фраземы В. Реймонта с теонимами и демонидами представляют собой либо междометные выражения, либо разговорные фатические формулы. Примечательно, что в переводных текстах такие фраземы преимущественно заменяются узуальными лексемами, а отдельные фраземы не имеют и внетекстовых аналогов или эквивалентов. Зачастую перевод производится с помощью фраземы, не имеющей в своем составе теонима или демонида.

А.С. Гилевич, ссылаясь на Б. Малиновского, утверждает, что фатическое общение «направлено на установление «уз общности», для чего достаточно простого обмена словами между людьми», при этом «язык используется не для передачи какой-либо существенной информации, а лишь для установления социальной связи между людьми» [Гилевич, 2016: 93]. Под фатическими формулами при этом понимаются устойчивые выражения, помогающие организовать контакт в ходе той иной коммуникативной ситуации. В результате нашего исследования были выделены группы фатических фразем, реализующих следующие функции:

1. **Приветствие** – пол. *pochwalić Boga* ‘поздороваться’ (досл. ‘похвалить бога’).
2. **Прощание** – пол. *ostajcie z Bogiem* – рус. *счастливо оставаться*.
3. **Благодарность** – пол. *Bóg zapłaci* ‘спасибо’ (досл. ‘бог заплатит’).
4. **Риторическое обращение** – пол. *bójta się Boga* – рус. *побойтесь бога*.
5. **Пожелание** – рус. *пошел к черту* – пол. *idź do dyabel*. Чаще всего носит негативную коннотацию.
6. **Междометие** – пол. *laskiś pełna* ‘радуйся, благодатная’; рус. *Мать Божья!* – пол. *Jezus Marja*.

Одной из наиболее полных становится междометная группа. Именно она характеризуется наибольшей образностью и экспрессивностью. Интересно, что в текстах В. Реймонта вместо многих фразем из этой группы употребляются такие выражения, в большинстве своем, заменяются лексемой *laboga* (*loboga*): – *Finka!* – *szepnął ze strachem*. – **Loboga, Finka!** (рус. – *Финка!* – *шепнул он испуганно*. – **Господи помилуй, Финка!**). Данная лексема имеет достаточно сложную историю. В современном польском языке данная лексема практически не употребляется в качестве междометия и/или нарицательного существительного, однако активно используется как имя собственное – фамилия, давшая впоследствии название популярному бренду. J. Walkowiak, изучавшая происхождение польских фамилий с религиозными корнями, так-

же отмечает, что в основе лексемы *laboga* лежит призыв, а семантика также связана с восклицанием – ‘от Бога, ради Бога’. В структуре слова отчетливо просматривается корень *-bog-*, что и сформировало его значение. Примечательно, что в активном запасе польского языка существует слово *olaboga*, служащее для выражения эмоций, связанных со страхом, удивлением, беспомощностью или нежеланием производить какие-либо действия. Его корни восходят к диалектному *lolaboga*. Особенности слова-первоисточника обуславливают и различную огласовку рассматриваемой лексемы. Образность лексемы настолько глубока и многогранна, что она включена в польский фразеологический словарь S.Skorupki наряду с «классическими» фраземами.

Большую значимость для лингвокультурного анализа представляет изучение частотности употребления фразем с теонимами и демонами. Учитывая сложность и разноплановость собранного материала, мы сопоставили данные из оригинальных и переводных текстов рассматриваемых авторов, а также в национальных языковых словарях [Skorupka, 1967; Молотков, 1986]. Соотношение фразем с каждым компонентом представлено на диаграмме [Рисунок 8]:

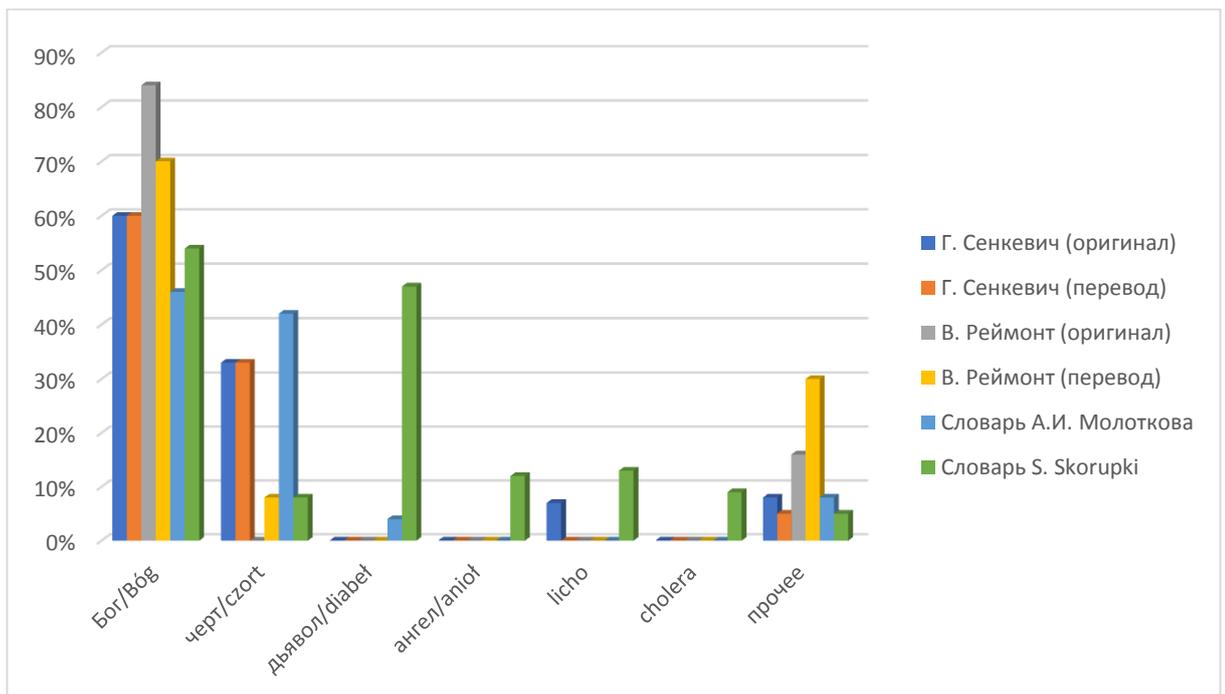

Рисунок 2. Употребление фразем с теонимами и демонами

Диаграмма позволяет увидеть, что в текстах В. Реймонта используется преимущественно теонимический образ *бога*, тогда как демонимы встречаются только в переводах на русский язык. Кроме того, автор достаточно активно использует образы *Иисуса* и *Марии* (преимущественно в междометных выражениях).

В целом, можно заметить, что употребление фразем с теонимами и демонимами в русской и польской лингвокультурах достаточно схоже, однако имеется ряд принципиальных различий. Так, для польской лингвокультуры характерна большая склонность к употреблению демонимических компонентов. Палитра демонимов здесь тоже гораздо шире: если в русский фразеологический фонд преимущественно входят компоненты *черт* и *дьявол* (в единичных возможно употребление слов *лихо*, *шши* и т.п.), то в польский – *diabeł*, *licho*, *czort*, *cholera* и т.д. При этом граница между значениями этих лексем достаточно размыта: так, слово *diabeł* может обозначать как *дьявола*, так и *черта*, т.е. служит для номинации некой потусторонней сущности, олицетворяющей собой зло. Такое лексическое разнообразие демонстрирует достаточно высокий уровень страха представителей этноса перед мистическими существами. Разница проявляется и в составе теонимов. Если в русском языке это только Бог, то в польском к нему присоединяется и *anioł* ‘ангел’. Причины такого явления могут быть связаны со спецификой исповедуемой религии. В католичестве образ ангела является более приземленным, доступным простому жителю (отсюда столько изображений ангелов в европейской культуре), тогда как в православии под ангелом понимается более высокая сущность.

Разница между русской и польской лингвокультурами проявляется даже на уровне орфографии. Так, согласно правилам русской орфографии слово *Бог* во фраземах пишется с маленькой буквы (хотя в последние годы начинает набирать обороты противоположная тенденция), то в польском языке – только с заглавной (*Bóg*). Это также может свидетельствовать о более высокой религиозности поляков.

2.2.2. Фраземы с компонентами-зоонимами

Зоонимная фразеология активно используется во всех мировых языках. Названия животных являются универсалиями. «Бестиарий» каждого языка в целом и его фраземного состава в частности варьируется от ряда экстралингвистических факторов, среди которых, в первую очередь, местонахождение носителей языка, обуславливающее распространённость тех или иных представителей фауны.

Основное назначение фразем с зоонимами – характеристика человека. Номинации конкретных животных и их повадок соотносятся с теми или иными особенностями людей, причем такое соотношение тесно связано с ЭС (у разных народов одни и те же животные могут вызывать разные ассоциации). Интересно, что зоонимная фразеология пересекается и с уже упоминавшейся соматической. Это проявляется в замене названий частей тела человека названиями частей тела животных: не *ногти*, а *когти*, не *лицо*, а *морда*, не *рот*, а *пасть* и т.п. (рус. *заткни пасть* – пол. *stul pysk*; пол. *nie tam co w pazury wziąć* (досл. ‘нечего в когти взять’) – рус. *с пустыми руками*). Такие компоненты придают фраземам дополнительную образность и экспрессивность, а также служат для выражения отрицательной коннотации и негативного отношения к объекту речи.

Соотношение фразем с компонентами-зоонимами представлено на диаграмме [Рисунок 9]:

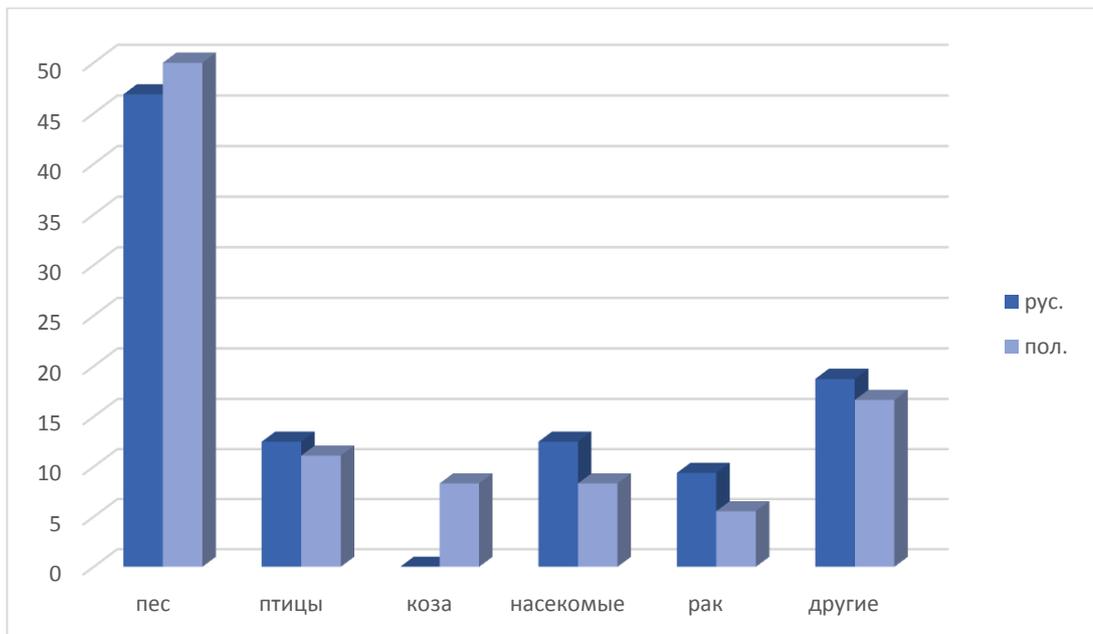

Рисунок 3. Фраземы с компонентами-зоонимами

Очевидно, что наибольшей популярностью пользуется образ *пса*. Он является чрезвычайно значимым для славянской лингвокультуры. Н.И. Маругина отмечает, что для русского этноса характерно «представление о собаке как о чрезвычайно преданном, верном и неизменном друге человека» [Маругина]. При этом особенно важным оказывается изучение мифологических интерпретаций образа. Ссылаясь на Б.А. Успенского, Н.И. Маругина отмечает, что «пес противопоставлен святыне, ассоциируется с язычниками и вообще с иноверцами, что прослеживается уже в Новом Завете» [Маругина]. Особенно важным становится образ *пса* для польской лингвокультуры. Здесь особенно явственно просматривается связь *пса* и *дьявола*, зафиксированная в славянской культуре. R. Dźwigoł выделила существенное количество польских фразем, где компоненты *pies* и *diabeł* являются взаимозаменяемыми: *Ty djable – poganie!* // *Ty psie – poganie!*; *Czy kogoś diabeł opętał* // *Czy pies go opętał* и т.д. Это также служит подтверждением взаимосвязи двух образов и, следовательно, мистического подтекста *пса* во фраземике. Неслучайно подавляющее большинство польских фразем с компонентом *pies* имеют ярко выраженную негативную коннотацию или являются ругательными (пол. *psi porody* – рус. *сукины дети*).

Т.В. Козлова, автор идеографического словаря русских фразеологизмов с зоонимами, отмечает, что образу *пса* в русской фраземике соответствуют следующие качества: *верный, заискивающий, подобострастный, грустный, подавленный*. Иные привязки есть у компонента *собака*: *голодная, замерзшая, бессовестная, трудная жизнь, бесславная смерть, живучая, злая* и т.д. [Козлова, 2001: 10]. Это показывает, что образ *пса/собаки* в русской лингвокультуре вызывает преимущественно негативные ассоциации, однако может соотноситься и с объектом сожаления в силу представления о плохих условиях жизни (ср. *устал, как собака, собачья жизнь* и т.п.).

Еще одним значимым зоонимическим образом, в особенности для польской лингвокультуры, становится *коза*. Интересно, что в русском фразеологическом фонде более востребованным становится образ *козла*, тогда как в польском *коза* и *козел* представлены равномерно, а в нашем материале и вовсе более активно представлена именно *коза*. Славянской культуре свойственно представление о *козе/козле* как символе плодородия, сексуальности. При этом значимым становится укрепившееся в сознании соотношение *козла* и *дьявола*. Связь животного с демоническими силами подчеркивается даже на уровне символики (череп козла – один из ключевых атрибутов сатанизма). Т.В. Козлова, анализируя особенности семантики фразеологически связанного компонента *коза* в русском языке, отметила в качестве свойственных ему признаков следующие: *подвижный, бегущий скачками, быстрый, незначительный, бесполезный, упрямый, зазнайка, бесполезный* и т.д. [Козлова, 2001: 9]. Интересно, что несмотря на всю разноплановость этих характеристик и склонность к их пейоративности, они не содержат никакого мистического подтекста. Это демонстрирует глубинные механизмы фразеологизации, предполагающие возможность многослойной метафоризации, скрывающей исходные смыслы от современного носителя языка.

Весьма интересной представляется группа фразем с зоонимами, номинирующими насекомых: *муха, оса (osa), червь (robak)* и т.п. Она в полной мере репрезентирует негативное отношение к насекомым, существующее в

общеславянском сознании. Именно поэтому такие фраземы имеют семантику, связанную с неприятными качествами: навязчивостью, уродством, риском нанесения увечий и т.п. Наиболее интересным здесь представляется компонент *червь*. По мнению Т.В. Козловой, в русской фраземике с ним соотносятся *невзрачность, маленький рост, болезненность, унижение, угодничество, тоска, смерть* и т.п. [Козлова, 2001: 11]. Исследователь насчитывает 12 фразем с данным компонентом во фразеологическом фонде русского языка, тогда как в польском, согласно словарю S. Skoꝛupki, их несколько больше: 14. Несмотря на явную отрицательную коннотацию, в текстах В. Реймонта можно встретить оригинальную формулировку *robaki kochane*, замененную в русском переводе на лексему *родимые*. Дословно словосочетание переводится как *червяки любимые*, чем демонстрирует оксюморонность конструкции. Интересно, что фразема с подобным значением зафиксирована в словаре S. Skoꝛupki, однако стержневая лексема здесь употреблена с уменьшительным суффиксом – *robaczek*. Схожий пример употребления можно встретить и в русском языке: в качестве ласкательного прозвища используется лексема *червячок*. В национальном корпусе польского языка не зафиксировано ни одного случая употребления фраземы *robaki kochane*, что может указывать на ее окказиональность.

Таким образом, изучение фразем с зоонимами может выявить образы, наиболее значимые и актуальные для каждой лингвокультуры. Изучение особенностей их употребления в контексте дает возможность обозначить важные особенности ЭС.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Сопоставление фраземики невозможно без изучение структурно-семантических особенностей единиц каждого из языков. Чрезвычайно важным при этом становится изучение эквивалентности. Выбранная нами классификация Е.Ф. Арсентьевой предполагает 3 вида межъязыковых соответствий: эквиваленты, аналоги и безэквивалентные фраземы. Для русского и польского языков как родственных наиболее характерной становится первая группа. Это демонстрирует генетическую близость обоих языков и их общеславянские корни. При этом наиболее продуктивными с лингвокультурологической точки зрения становятся безэквивалентные фраземы, ведь именно они наиболее полно демонстрируют идентичность каждого из этносов и особенности ЭС его представителей.

2. Чрезвычайно продуктивным становится полевой анализ. Он дает возможность выявить основные ориентиры каждого из этносов, находящие свое отражение на фразеологическом уровне. При этом структура ФСП позволяет наглядно понять значимость антропоцентрического подхода для лингвистики. Наиболее распространенными как в русской, так и в польской лингвокультуре стали ФСП 'действие' и 'состояние'. Реже всего фразеологизируются выражения, репрезентирующие особенности окружающего мира.

3. Фраземы, связанные с особенностями религиозного мировосприятия, служат демонстрацией взаимосвязи РКМ и ЯКМ. Они показывают, какие именно религиозные образы оказывают наибольшее воздействие на сознание носителей языка. Примечательно, что для польской лингвокультуры более частотными оказываются демонимические образы, а для русской – теонимические. При этом многие фраземы несут в себе отпечаток страха перед потусторонним миром и всем, что с ним связано.

4. Употребление фразем с теонимами и демонимами можем служить демонстрацией не только христианского мирознания русских и поля-

ков, но и репрезентантом языческих атавизмов, апплицирующихся с основной культурой.

5. Большую популярность имеют фраземы с соматизмами. Принципиальным становится изучение частоты, с которой тот или иной компонент употребляется во фраземах. Проведя сопоставительный анализ, мы выяснили, что в русской лингвокультуре гораздо чаще встречаются фраземы с компонентом *рука*, чем в польской, что может служить показателем более высокой ценности практической деятельности в русском этносе. В свою очередь, польская лингвокультура характеризуется бóльшим числом фразем, репрезентирующих умственную и речевую деятельность.

6. Фраземы с зоонимами демонстрируют стереотипы, связанные в коллективном ЭС с теми или иными животными. Наибольшую популярность приобретают образы домашних животных, в особенности *пса (собаки)* и *козы*. Интересно, что именно эти животные в народном сознании нередко соотносятся с потусторонними силами в целом и дьяволом в частности.

ГЛАВА 3

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМИКИ НА ПРАКТИКЕ

3.1. Методика преподавания фразеологии в сопоставительном аспекте

3.1.1. Преподавание фразеологии в школе

К сожалению, в настоящее время школьная программа не уделяет достаточного внимания изучению фразеологии. При этом учебная литература предполагает освещение исключительно фразеологического материала изучаемого языка, без сопоставительного аспекта.

По мнению Е.В. Архиповой, работа по лексике и фразеологии направлена, в первую очередь, на обогащение словарного запаса школьников. При этом принципиальным становится формирование лингвистической, языковой и коммуникативной компетенции [Архипова, 2004: 94]. М.Т. Баранов отмечает, что «познавательные цели работы по лексике и фразеологии предполагают формирование у школьников научного мировоззрения, вооружения их основами знаний о лексике и фразеологии русского языка, развитие у учащихся языкового эстетического идеала» [Баранов, 1988: 8]. При этом исследователь убежден, что свободное владение лексикой и фразеологией способно оказать существенную помощь при освоении всех остальных разделов языкознания.

Обзор наиболее популярных образовательных программ по русскому языку показывает, что все авторы видят необходимость изучения фразеологии, однако в большинстве случаев это делается достаточно бегло, в ходе общего рассмотрения лексики. В результате школьники не имеют возможность познакомиться со всеми изобразительно-выразительными возможностями ФЕ, что не только снижает качество проводимого ими анализа текста, но и снижает качество подготовки к ЕГЭ и ОГЭ. При этом важно помнить,

что актуализация знаний по фразеологии порой необходима и при изучении иных тем (например, в ходе изучения словосочетаний, средств выражения членов предложения и т.п.).

Чрезвычайно продуктивной оказывается актуализация базовых знаний по фразеологии при лингвистическом анализе текста. В.В. Гаврилов отмечает, что «при анализе того или иного произведения, в котором встречаются ФЕ, необходимо пояснять их значения, обращая внимание на необычность данных словосочетаний» [Гаврилов, 2001: 151]. При этом, по мнению исследователя, необходимо делать акцент на том, что общая семантика фразем не складывается из суммы значений отдельных ее компонентов. Упор на специфику употребления каждой фраземы не опосредованно, а в цельном тексте, позволяет подвести учеников к мысли о том, что подобные единицы делают речь более яркой, образной, эмоциональной, а также наполняют ее дополнительными смыслами. В.В. Гаврилов также указывает на необходимость постоянности работы с фраземами в пределах текста, т.к. она не только укрепляет знания учащихся по конкретному разделу языкознания, но и позволяет лучше усваивать смысл всего произведения. Именно поэтому целесообразно проводить работу по изучению фразеологизмов как на уроках русского языка, так и при изучении литературы.

В ходе работы по анализу текста, имеющего в своем составе ФЕ, важно не только обсуждать с учащимися особенности каждой конкретной единицы, но и предпринять попытку выяснения смысловой, художественной и языковой целесообразности употребления устойчивого словосочетания, а не конкретной лексемы. Это чрезвычайно полезно для целостного анализа текста. Так, например, учитель может задать вопрос об уместности употребления фразем (с точки зрения значения, сочетаемости, стиля), а также вместе с учениками порассуждать о целях, побудивших автора воспользоваться устоявшимся оборотом. Если анализ проводится на примере текста зарубежного автора, то полезно задать вопрос о том, почему в тексте фигурируют исконно русские фраземы. Это позволит подвести разговор к роли переводчика в пе-

редаче и оформлении текста, а также объяснить всю сложность работы с иноязычными фразеологизмами.

По мнению В.В. Гаврилова, освоение фразеологии в школе должно сопровождаться активной практической отработкой полученных навыков. При этом выполнение заданий должно быть поэтапным и располагаться в следующем порядке [Гаврилов, 2001: 151]:

1. Нахождение фразеологизмов в текстах, работа со словарем, составление собственных текстов с фразеологизмами.
2. Работа с двумя типами текстов (современным и этимологическим), интерпретирующим ВФ значения ФЕ.
3. Работа с тремя типами фразеологизмов (словами, сочетаниями и предложениями).
4. Освоение трех групп фразеологизмов-словосочетаний (по классификации В.В. Виноградова).
5. Определение символических значений ключевых слов ФЕ.
6. Развертывание фразеологизма в текст.
7. Оценочность, построение текстов.

На начальном этапе работы школьникам необходимо ближе познакомиться с фраземами, «прощупать» их. Примерные задания могут выглядеть следующим образом:

- *выпишите примеры фразеологизмов из «Школьного фразеологического словаря», включающие слова «язык», «заря», «рука». При работе над данным заданием необходимо напомнить учащимся о многозначности/омонимии слов, способной, в том числе, повлиять и на специфику искомых фразеологизмов;*
- *прочитайте, найдите фразеологизм, объясните его значение. Задания такого типа помогают привыкнуть к поиску знакомых ФЕ внутри текста (как прозаического, так и поэтического).*

Владея основными навыками работы с фраземами, учащиеся получают возможность перейти к более сложным заданиям – например, определять сочетаемость фразем с другими частями предложения, а также проверять их смысловую уместность. Оттачиваться такие навыки могут в ходе работы над следующим заданием:

Ученики получили задание: написать рассказ, используя в нем фразеологизмы. Какие недочеты вы заметили в следующем отрывке из сочинения? Понимает ли ученица значение фразеологизмов, которые она использовала в рассказе? В чем заключаются ее ошибки? Исправьте текст.

На перемене Лена спрятала куда-то мой портфель и не хотела отдавать. И стала водить меня за нос по всему классу. А Люся и Катя знали, где портфель, но они воды в рот набрали. Я на них обиделась, и между нами черная кошка пробежала. Когда портфель нашелся, я все равно была расстроенная, не в своей тарелке и в воду опущенная.

Выполняя подобное задание, ученик не только примеряет на себя необычную роль корректора, но и учится соотносить речевую ситуацию текста с предлагаемой к использованию речевой единице.

Принципиально важным становится умение разграничивать свободные и несвободные словосочетания, особенно в том случае, когда они являются омонимичными. Для отработки подобного навыка может использоваться сопоставительная таблица, в ходе работы над которой учащимся необходимо найти фразеологизмы и обосновать свое решение [Таблица 3]:

Таблица 3. Свободные и фразеологически связанные словосочетания

<i>Я не нашел себе места и стал в процессе.</i>	<i>Отец не находил себе места от волнения</i>
<i>В двух словах он допустил три ошибки.</i>	<i>В двух словах изложите вашу просьбу.</i>
<i>За едой малыши прикусил язык и заплакал.</i>	<i>Он чуть было не проговорился, но вовремя прикусил язык.</i>

Столь яркий и неординарный раздел русского языка, как фразеология, необходимо преподавать так, чтобы учащиеся смогли осознать всю многогранность и эффектность языкового разнообразия. Для организации разнопланового обучения можно использовать задания, наглядно иллюстрирующие образную составляющую фразем. Так, например, учащимся можно предложить подборку рисунков, передающих буквальное значение фразем, и попросить отгадать, что же на самом деле хотел изобразить художник. В ходе обсуждения результатов выполнения учителю нужно построить дискуссию так, чтобы учащиеся поняли принцип переноса значения и, следовательно, подошли вплотную к понятию ВФ. Пример подобного задания демонстрирует [Рисунок 10]:

Рисунок 4. Образец задания

Очевидно, что иллюстрации скрывают фраземы *стоять на часах*, *сидеть под замком*, *камень на сердце*.

Чрезвычайно продуктивным становится рассмотрение ФЕ параллельно с изучением таких произведений, как басни И.А. Крылова, древнегреческие мифы, комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» и т.д. Они наглядно иллюстрируют источники пополнения отечественного словарного фонда и позволяют организовать в сознании учащихся прочную базу знаний. В будущем это позволит более успешно работать с фразеологическим аппаратом и даже

создавать аллюзии и реминисценции. При работе в таком ключе учитель может давать задания, связанные с поиском фразем в изучаемых текстах, а также организовывать обсуждение причин широкого распространения той или иной единицы.

В старших классах изучение фраземики обычно происходит более быстро. Ученикам не дают новых сведений, а лишь актуализируют старые. Получается, что уместными становятся задания, позволяющие задействовать уже имеющийся словарный запас:

- *подберите синонимические (антонимические) пары к предложенным фразеологизмам: кот наплакал, мухи не обидит, со всех ног;*
- *определите источники приведенных фразеологизмов: овчинка выделки не стоит, попасть впросак, играть первую скрипку, по образу и подобию, альфа и омега, ахиллесова пята, а Васька слушает да ест, вавилонское столпотворение, счастливые часов не наблюдают.*

При это необходимо помнить, что в старших классах работа по фразеологии обязательно должна согласовываться с содержанием КИМов ЕГЭ и ОГЭ, т.к. задания по фразеологии фигурируют в выпускных экзаменах как общей, так и средней школы.

Интересной и продуктивной становится работа по изучению фразеологии, проводимая вне программных уроков. Подобные занятия направлены, в первую очередь, на повышение интереса к фразеологическому языковому уровню, а также расширение словарного запаса учащихся. Наиболее продуктивными они становятся при работе в младших и средних классах.

Самый распространенный вариант внеурочной работы – проведение тематических игр. Такой подход не требует от учеников предварительной подготовки, зато позволяет им в занимательной форме закрепить полученные знания или овладеть новыми. Так, например, продуктивными становятся та-

кие игры, как «Фразеологическое лото», «Кто больше» (работа соревновательного характера в группах) и т.п.

3.1.2. Преподавание сопоставительной фразеологии в вузе

В современной вузовской практике студенты филологи сталкиваются с изучением фразеологии в рамках курса лексикологии. Учитывая, что основной предметной областью при этом остается современный русский язык, сопоставительному аспекту внимание фактически не уделяется.

Иная ситуация складывается при изучении иностранных языков. Одной из серьезных проблем переводоведения становится именно перевод фразем. О подходах к переводу фразем мы уже говорили ранее, рассматривая вопросы эквивалентности (см. раздел 2.1.3.).

Одно из главных правил обучения переводу фразем с одного языка на другой – сопоставляться должны не все языки сразу, а только 2, причем желательно, чтобы один из них был родным. Впоследствии, при более развитых навыках сопоставления, возможна параллельная работа с несколькими языками.

Важным становится и работа по сопоставительной фразеологии при изучении русского языка как иностранного. Т.Н. Матвеева отмечает, что при работе в таком ключе необходимо учитывать ряд фактов [Матвеева, 2016: 1907]:

- имеет ли фразема выраженную национальную идентичность (номиналирует исторические, топонимические и иные реалии, уникальные для конкретного этноса);
- имеет ли фразема аналог в рассматриваемом языке;
- имеет ли фразема универсальные корни (происхождение на основе античной мифологии, Библии и т.п.).

Методисты единогласно говорят о необходимости указания на историко-культурный фон при изучении иноязычной фразеологии. Это позволяет

понять мотивировочные признаки фразем, их ВФ, что даст возможность осознать особенности фразеологизированного образа и более верно осознать специфику семантики и коннотации той или иной единицы. Особого внимания требуют фраземы, содержащие в своей составе те или иные прецедентные имена.

Несмотря на разницу между вузовской и школьной спецификой преподавания дисциплин, ряд указанных в п. 3.1.1. приемов подходит и для успешной работы со студентами. Так, например, продуктивным становится использование групповых форм обучения. Значимым оказывается и использование наглядных материалов.

3.2. Специфика создания русско-польского фразеологического словаря лингвокультурологического типа

Современная наука в целом и лингвистика в частности характеризуется стремительным развитием междисциплинарных идей и их решений. Предшествующие классические исследования позволили создать фундаментальную основу для будущих открытий. Однако в каждой сфере научного знания и по сей день сохраняются лакуны, для которых существующего методологического инструментария оказывается недостаточно. Решению подобных задач активно способствует применение междисциплинарного подхода и в лингвистике, в частности, во фразеографии.

Одной из ключевых дисциплин, используемых сторонниками метапредметного подхода, становятся информационные технологии. Наш проект нацелен на разработку путей и способов их применения в прикладном языкознании (лексикографии/фразеографии). Это обуславливается многофункциональностью и гибкостью информационных технологий, проявляющейся в способности применяться в любой области научного знания.

Разрабатываемый нами проект направлен на создание первого русско-польского фразеологического словаря с лингвокультурологическими ком-

ментариями. Форма словаря выходит за привычные рамки лексикографического пособия. Он представляет собой веб-ресурс, содержащий не только сами словарные статьи, но и сопутствующие им мультимедийные компоненты (фото- и видеоматериалы, аудиозаписи и т.п.).

Работа по составлению словаря предполагает решение следующих задач:

- разработать действующий сайт с базовым функционалом;
- выявить основные источники для исследования;
- определить структуру словарной статьи исходя из predetermined исследовательских установок;
- подготовить стартовый блок словарных статей;
- протестировать работу ресурса для выявления неполадок;
- продемонстрировать первые результаты исследования в ходе конференций и иных научных мероприятий.

Используемый ресурс был разработан с помощью CMS ModX. Она дает достаточно широкие возможности для разработчика и позволяет реализовывать все поставленные задачи. Помимо back-end разработки сайта, предполагающей работу по технической отладке ресурса, большую значимость имеет front-end разработка. В первую очередь, она связана с созданием дизайна и интерфейса ресурса.

Дизайн – лицо сайта. Он должен не только отвечать актуальным тенденциям, выглядеть современно и стильно, но и делать использование ресурса максимально удобным и продуктивным. Все эти параметры учитывались нами при разработке.

Выбранный нами дизайн относится к классическому стилю. Минимализм и строгие формы соответствуют научно-познавательной направленности ресурса. Сайт выполнен в нейтральных тонах. Данная цветовая гамма удобная для зрительного восприятия обеспечивает достаточный уровень контрастности и при этом не перегружает зрение. Фоном главной страницы

становится польский пейзаж, что позволяет сформировать отсылку к основной теме ресурса и создать соответствующую атмосферу [Рисунок 11]:

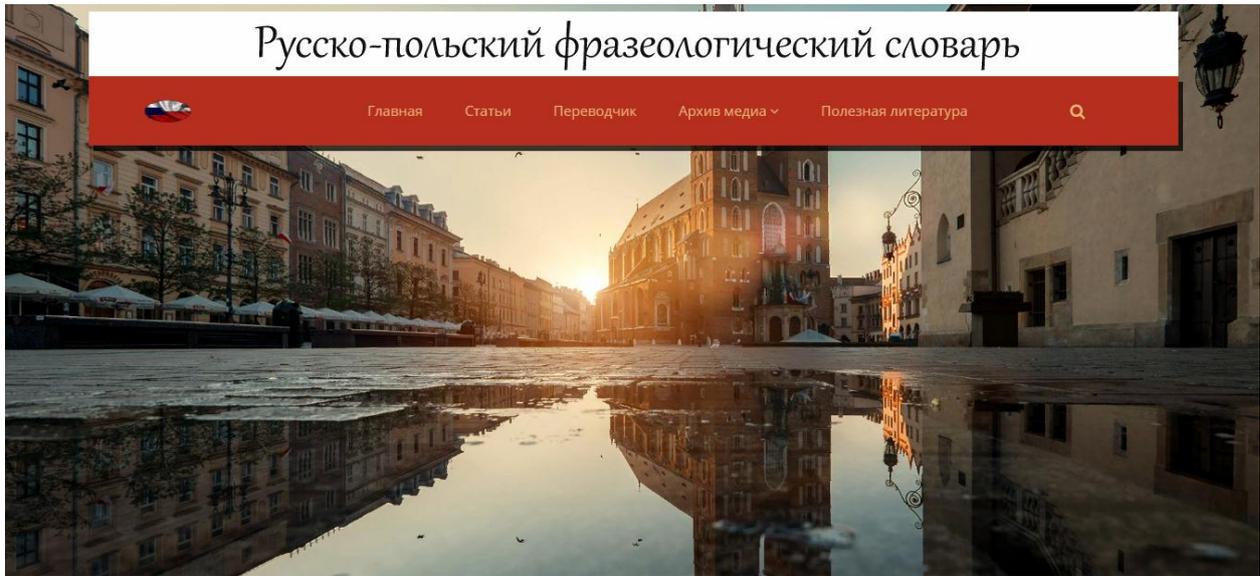

Рисунок 5. Главная страница

Разработка дизайна подразумевает также выбор положения для его конструктивных элементов. Ведущим на главной странице становится меню. Оно располагается по горизонтали, что дает возможность сразузнакомиться со всеми его пунктами. Меню сохраняется и в ходе навигации по страницам, что позволяет с легкостью перемещаться по разделам сайта. Кроме того, на главной странице размещаются такие структурные элементы, как краткое описание продукта и его отдельных частей, блок контактов и виджеты для соцсетей.

Страница «Статьи» разработана так, чтобы позволить пользователю не только обзорно увидеть последние добавленные словарные статьи, но и, при необходимости, найти нужный материал. Заголовок каждой статьи включает в себя русское и польское наименования, а также сопровождается иллюстрацией в миниатюре. Справа располагаются блоки для отображения алфавитного списка, а также перечень тематических рубрик. Поиск конкретной словарной единицы осуществляется при помощи специальной кнопки [Рисунок 12]:

Русско-польский фразеологический словарь

Главная Статьи Переводчик Архив медиа Полезна литература

Поиск статей по алфавиту

А А́ В С Ѓ D E Ę
F G H I J K L Ł
M N Ń O Ó P R S
Ś T U W Y Z Ż Ż

А Б В Г Д Е Ё Ж
З И Й К Л М Н О
П Р С Т У Ф Х Ц
Ч Ш Щ Э Ю Я

Рубрики

Библейские фразеологизмы 3

Бытовые фразеологизмы 0

Взаимоотношения 2

Время 0

Деятельность человека 2

Количество, мера и степень 0

Образование, наука, информация 0

Отношение к предмету речи 1

Пространство 0

Разговорные и жаргонные фразеологизмы 0

Состояние человека 5

Социальный статус 0

Устройство мира, государства 0

Фразеологизмы из греческой мифологии 0

Фразеологизмы из художественной литературы 0

The image shows a grid of six article cards. Each card features a colorful illustration, a Russian idiom in large orange letters, and its Polish equivalent below. Underneath, the Russian and Polish phrases are written in smaller black text, followed by the publication date and a 'ПОДРОБНЕЕ...' (More details) button. To the right of the grid are two panels: 'Поиск статей по алфавиту' (Search articles by alphabet) with two alphabetic grids, and 'Рубрики' (Categories) with a list of categories and their respective article counts.

Рисунок 6. Блок статей

Структура макета словарной статьи обусловлена спецификой ее содержания. В целом, макет состоит из следующих структурных элементов:

1. Заголовок статьи (на русском и польском языках).
2. Информация о дате размещения и пользователе, опубликовавшем статью, а также количестве оставленных комментариев.
3. Фото- или видеоиллюстрация.

4. Текст статьи.
5. Аудиосопровождение.
6. Тематические рубрики, к которым относится данная статья:
 - эмоции и чувства;
 - характеристика человека;
 - характеристика событий;
 - деятельность человека;
 - количество, мера и степень;
 - время;
 - пространство;
 - состояние человека;
 - отношение к предмету речи;
 - библейские фразеологизмы;
 - фразеологизмы из художественной литературы;
 - фразеологизмы из греческой мифологии;
 - бытовые фразеологизмы;
 - разговорные и жаргонные фразеологизмы;
 - образование, наука, информация;
 - социальный статус;
 - части тела;
 - взаимоотношения;
 - устройство мира, государства.
7. Ссылки на тематически близкие статьи (при наличии).
8. Блок комментариев.

Очевидно, что подобная структура позволяет не только получить максимально полное представление о содержании статьи, но и воспользоваться всеми техническими возможностями, предлагаемыми ресурсом. Кроме того, страница статьи сохраняет навигационные блоки (алфавитный и тематиче-

ский указатели), что дает возможность оперативно переходить от одного материала к другому.

Важно заметить, что структура словарной статьи обусловлена ее направленностью. Каждая статья призвана дать максимальное представление о семантике фразеологизма, особенностях его употребления и функционирования в речи, а также лингвокультурологических особенностях. В связи с этим мы разбили статью на несколько крупных блоков:

1. Собственно лексикографический. Представляет собой фрагмент классической статьи фразеологического словаря. Здесь публикуется значение выбранной единицы, пометы (при необходимости), а также пример, иллюстрирующие употребление фразеологизма в речи. Источником таких иллюстраций послужили произведения художественной литературы, а также материалы, размещенные в национальных корпусах русского и польского языков.

2. Комментарий. Данный блок представляет собой текст, подробно анализирующий специфику фразеологизма с лингвокультурологических позиций. Он может касаться происхождения единицы, фигурирующих в ней ключевых образов, роли фразеологизма в этноязыковом сознании носителей языка и т.п. Именно комментарий становится центром словарной статьи с исследовательской точки зрения, т.к. его разработка представляет собой наиболее сложную задачу.

3. Мультимедийный блок – фото- или видеоиллюстрация словарной статьи.

4. Аудио – запись произношения фразеологизма на русском и польском языках.

5. Связи. Данный блок, несмотря на его сжатые размеры, представляет существенную значимость для осознания взаимосвязей разных фразеологизмов. Он проявляется в двух аспектах: ссылок на тематические рубрики, к которым относится описываемая единица, а также ссылок на другие словарные статьи, имеющие некую общность с данной (синонимичное зна-

чение, идентичность ключевых образов и т.д.). Такой подход позволяет рассматривать фразеологизмы не как автономные единицы речи, а в качестве составляющей цельной системы.

Примеры статей, выстроенных по подобной структуре, представлены в Приложении.

Наполнение сайта может осуществляться не только разработчиками, но и авторами статей, не имеющими специальных технологических навыков. Однако для этого требуется предварительное создание роли контент-менеджера. Она представляет собой аналог роли администратора, но с ограниченным функционалом. Создание подобной роли также предусмотрено средствами CMS. С целью улучшения ее технологических возможностей нами был добавлен плагин TinyMCE Rich Text Editor. Он предоставляет широкий спектр возможностей работы с текстом:

- форматирование (изменение начертания, выравнивания, стилей, добавление списков и т.п.);
- правка;
- вставка ссылок, медиафайлов, таблиц;
- редактирование элементов и др.

Часть из этих возможностей предоставляется и встроенным редактором. Однако установленный плагин расширяет штатные ресурсы, что позволяет более удобно и качественно оформлять контент. Наполнение сайта и его полноценный запуск связаны не только с загрузкой соответствующих материалов. Реализация заявленных технических возможностей web-ресурса возможна благодаря использованию специальных плагинов. Их выбор обусловлен исследовательскими установками и целью самого проекта.

1. Окно с переводчиком. Электронный переводчик напрямую не относится к фразеографии. Его включение в структуру сайта направлено на удобство пользователей. Очевидно, что посетители сайта, заинтересованные в работе с двуязычным материалом, могут нуждаться в машинном переводе.

Наличие подобной возможности прямо на сайте избавляет от необходимости посещения сторонних ресурсов.

На данном этапе работы в качестве источника перевода был выбран ресурс <http://translate.meta.ua>. Этот ресурс позволяет оперативно переводить текст с русского на польский язык и обратно.

2. Звуковое сопровождение – представлено записями произношения фразеологической единицы носителями русского и польского языков. Записываются строго голоса носителей языка, чтобы исключить некорректность произношения и акцент. Для воспроизведения пользователю достаточно кликнуть по соответствующей иконке.

Подобный элемент чрезвычайно полезен для пользователей, которые не только интересуются особенностями сопоставительной фразеологии, но и занимаются изучением иностранного языка.

3. Визуальная клавиатура для ввода диакритических знаков – необходима для продуктивного использования строки поиска фразеологизмов. Ее использование обусловлено существенными различиями между русской и польской графикой. Польский алфавит базируется на латинице, тогда как русский – на кириллице. Эта проблема легко преодолевается с помощью переключения раскладки на используемом устройстве ввода (физическая клавиатура, экранная клавиатура смартфона/планшета и т.п.). Однако в польской графике активно используются диакритические знаки (точка, огонек и др.). Штатная российская клавиатура ввод таких знаков по умолчанию не поддерживает, что исключает возможность корректного ввода текста на польском языке. Адаптированная визуальная клавиатура решает проблему: пользователь может ввести нужный ему текст, нажимая виртуальные клавиши.

При работе над словарем важно соблюдать все нюансы законодательства, в особенности в области авторского права. Это касается не только текстового материала, но и визуального сопровождения. Использование фото- и видео контента даже из открытых источников не допустимо без разрешения

правообладателя. Именно поэтому мы решили создавать весь иллюстративный контент самостоятельно. Это не только повышает ценность конечного продукта, но и предупреждает возможные юридические сложности.

Изображения, которыми сопровождаются статьи, представляют собой примеры авторского видения образной сути внутренней формы фразеологизма. Каждое изображение прорисовывается на графическом планшете, а затем обрабатывается при помощи редактора Adobe Photoshop. В результате получаются уникальные изображения, в точности соответствующие ВФ выражения [Рисунок 13]:

Рисунок 7. Иллюстрация к ФЕ "бросить перчатку"

Разрабатывая стилистику видеоконтента, мы приняли решение остановиться на анимационных роликах. Это вызвано рядом факторов:

- съемка полноценного клипа – дорогостоящий и сложный процесс (необходимо наличие специального оборудования и реквизита, участие актеров и т.п.), особенно с учетом оригинальность многих исследуемых фразеологизмов;
- фото- и видеоконтент должен гармонизировать друг с другом и иметь единое исполнение. Прорисованные изображения лучше всего коррелируют именно с мультипликацией;

- создаваемый ролик должен быть очень кратким, что также более успешно реализуется за счет мультипликационного формата.

Создание роликов производилось с помощью ресурса Animaker. Он предоставляет широкие возможности даже авторам, не имеющим существенного опыта в разработке анимации. Технических средств, предлагаемых ресурсом, вполне достаточно для создания ряда роликов [Рисунок 14]:

Рисунок 8. Кадр из ролика, иллюстрирующего ФЕ "нести тяжкий крест"

В результате работы удалось получить функционирующий ресурс, позволяющий не только отображать контент, но и задействовать дополнительный функционал (публиковать материалы, оставлять комментарии, делиться статьями, использовать электронный переводчик и т.д.). Работа с источниками позволила не только выявить основной круг используемых при исследовании материалов, но и определить общий подход к строению статьи, а также ее разработке.

Текущие результаты НИР дают мощную платформу для продолжения работы. С теоретической точки зрения имеется задел, позволяющий готовить фразеографические материалы, исходя из намеченной структуры и на основе собранной информации. С технологической, введен в работу полноценный ресурс, позволяющий делиться информацией в удобном формате. Все это

способствует продуктивности на следующих этапах. В частности, появляется возможности расширить функционал ресурса, ввести систему авторизации, упрощающую работу на сайте, а также окончательно доработать дизайн.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Преподавание фразеологии как дисциплины чрезвычайно важно для глубокого и полноценного владения русским языком. К сожалению, в настоящее время в школьной программе не уделяется достаточно внимания изучению фраземики. В то же время школьникам необходимо не только находить фраземы, но и уметь раскрывать их образность. Это важно не только для развития навыков анализа текста, но и развития речи, языкового чутья, а также успешной сдачи ОГЭ и ЕГЭ.

2. Для преподавания фразеологии можно использовать различные дидактические приемы. Продуктивными становятся игровые методики, коллективные формы работы и т.п. Чрезвычайно важным оказывается использование наглядного материала.

3. В вузовской практике фразеология изучается в рамках курса лексикологии. Однако сопоставительный аспект занимает важное место в переводе. Студенту важно знать не только способы перевода иноязычных фразем, но и приемы, позволяющие обучать собственному языку как иностранному.

4. Подготовка электронного фразеологического словаря предполагает как техническую сторону (разработка ресурса, наполнение материалом и т.п.), так и собственно исследовательскую работу. Форма веб-ресурса представляется чрезвычайно удобной, т.к. она дает возможность существенно расширить читательскую аудиторию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык позволяет не только реализовывать коммуникативную функцию. Он становится инструментом в конструировании ЯКМ, транслируя представления и установки, функционирующие в сознании его носителей. Кристаллизация таких процессов проявляется во фраземах, что обуславливает сложность их восприятия представителями других этносов. Простой перевод разрушает образность фраземы, уничтожает ее связь с истоками лингвокультуры, что не дает возможности раскрыть истинный смысл выражения. Именно поэтому чрезвычайно важно проводить глубокий сопоставительный анализ, выявляя особенности не только отдельных единиц, но и всей фраземики в целом. Это дает ключ к пониманию ЭС целых этносов и, следовательно, консолидирует носителей языка.

Нами была предпринята попытка разностороннего изучения русской и польской фраземики на примере творчества Г. Сенкевича и В. Реймонта. Это позволило выявить следующие особенности, присущие представителям каждого из этносов:

1. Главной ценностью славянской лингвокультуры становится человек и все, что с ним связано. Весь мир оценивается через призму человеческого мировосприятия. Это проявляется как на структурном, так и на смысловом уровнях.
2. Религиозное сознание занимает важное место в каждом из языков. Современный носитель языка может не придерживаться каких-либо религиозных предпочтений, однако подсознательно его речь все равно так или иначе будет связана с архетипичными представлениями об иррациональной природе мироздания. Синтез язычества и христианства находит свое отражение как в русской, так и в польской лингвокультурах, а также явственно виден на фразеологическом уровне.

3. Большую значимость для развития фраземики имеют национальные традиции и стереотипы. Многие выражения, входящие в современный активный словарный запас, базируются на древних верованиях западных и восточных славян, а также их представлениях о структуре мироздания.
4. Анализ ФСП показывает, что в славянской лингвокультуре доминирует ощущение необходимости действия. Это проявляется в большом числе фразем, не только называющих, но и характеризующих конкретные виды деятельности человека, а также отдельные его манипуляции. Значимыми оказываются также особенности внутреннего состояния человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнюк Б.М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні. – Киев: Наукова думка, 1989. – 136с.
2. Алефиренко Н.Ф., Жаркынбекова Ш.К. Сопоставительная лингвокогнитивистика: тенденции, проблемы и перспективы развития: монография. – Астана-Белгород: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 384 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
6. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие для бакалаврского уровня образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
7. Алефиренко Н.Ф., Шэнбо Юй. Этноязыковое пространство: проблемы методологии на фоне сопоставления фраземики русского и китайского языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Pzs/2009_9/6.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
8. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
9. Арязмова О.В. Этнокультурные маркеры языкового сознания и их репрезентация в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Международная конференция (V Бодуэновские чтения): Труды и материалы. Под ред К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. – С. 44-47.

10. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 129 с.
11. Арсентьева Е.Ф. Типы соответствий фразеологических единиц английского, русского и татарского языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/43915.html> (дата обращения: 01.01.2019).
12. Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся. – М.: «Вербум-М», 2004. – 192 с.
13. Аюпова Р.А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков: Учеб.-метод. пособие для студ. отделения романо-германской филологии. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – 27 с.
14. Баландина И.Д. Синонимическая аттракция как средство создания языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство «Грамота», 2009. – С. 50-55.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. От чего зависят стилистические характеристики идиомы (имя им легион VS. как грязи) // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – №2. – С. 78-91.
16. Баранов М.Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М.: «Просвещение», 1988. – 191 с.
17. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Воронеж, 2005.
18. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – №2. – С. 107–113.
19. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Этноязыковое сознание: единство и противоречие // Вопросы психолингвистики. – 2012. – №16. – С. 92–97.
20. Варганьян Э.А. Из жизни слов. – М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1963. – 320 с.

- 21.Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Орел, 2011.
- 22.Вильк Г. Семантика труда в русско-польском языковом сопоставлении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Катовице, 2013.
- 23.Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Изд-во «Наука», 1980.
- 24.Войтова Н.А. Фразеологизмы с соматонимами «глаз», «нос», «ухо» и «язык» в русском и польском языках // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2015. – №9-4. – С. 35-40.
- 25.Волошкина И.А. Фразеосемантическое поле «характер человека». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Белгород, 2009.
- 26.Гаврилов В.В. Обучение фразеологии на уроках русского языка в 6 классе средней школы на основе освоения фразеологически связанных (символических) значений. Дисс. на соиск. степ. канд. филол. н. – М., 2001.
- 27.Гилевич А.С. Фатическая коммуникация и ее роль в педагогическом дискурсе // Моделирование эффективной речевой коммуникации в контексте академического и профессионально ориентированного взаимодействия. – Минск: БГУ, 2016. – С. 93-98.
- 28.Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. – Тула, 2012. – С. 396-405.
- 29.Горды М. Соматическая фразеология современных русского и польского языков. – Щецин, 2010. – 365 с.
- 30.Греченко-Журавская В.М. Экспрессивно-стилистические возможности обновленных фразеологизмов в художественном тексте // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Мате-

- риалы V Международной научной конференции 7-8 апреля 2011 года. – Дніпропетровськ: «Нова ідеологія», 2011. – С. 110-112.
31. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 67–74.
32. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1997. – №6. – С. 37-49.
33. Евраева С.В. Роль паремиологии в лингвокультурологических исследованиях (на материале русских пословиц религиозного содержания) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы V Международной научной конференции 7-8 апреля 2011 года. – Дніпропетровськ: «Нова ідеологія», 2011. – С. 110-112.
34. Емельянова Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание // Инновационная наука. – Нижний Новгород. – 2014. - №10/2015. – С. 155-158.
35. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 111-134.
36. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: на материале русского языка: диссертация ... доктора филологических наук. – Астрахань, 2008. – 384 с.
37. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
38. Князь (Сотова) Т.Н. Этнокультурный аспект фразеологизмов украинского языка, обозначающих состоятельность // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 189-192.

39. Ковалевская Л.А. Образ идиомы как источник культурной коннотации // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 230-236.
40. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2103. – 456 с.
41. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: «Просвещение», 1993.
42. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
43. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
44. Кочедыков Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов. – Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2006. – 176 с.
45. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Издательство БелГУ, 2002. – 288 с.
46. Кравцов С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 219-223.
47. Курочицки Т. Перевод фразеологических единиц: на материале перевода романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на польский язык // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 1975. – №7. – С. 149-160.
48. Кучменова Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира: на материале русского и карачаево-балкарского языков. Дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2005.

- 49.Липняцкая Е. Эти странные поляки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/lipnyatskaya_eva/eti_strannie_polyaki.html (дата обращения: 02.02.2019).
- 50.Мануков С. Зеленый остров потускнел // Эксперт Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/2012/10/5/zelenyj-ostrov-potusknel/> (дата обращения: 24.02.2019).
- 51.Маругина Н.И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – №2 (6).
- 52.Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
- 53.Матвеева Т.Н. Сопоставительное изучение фразеологии в условиях межкультурной коммуникации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – СПб, 2016. – №5. – С. 1906-1909.
- 54.Мокиенко В.М. Гол как сокол // Русская речь, 1980. – № 4. – С. 35-41.
- 55.Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
- 56.Пеянович А. Бог и черт в славянской фразеологии (на материале русского и сербского языков) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 514-519.
- 57.Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
- 58.Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2006.
- 59.Приходько А.И. Социокультурный компонент фразеологических единиц // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч.

- конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 293-296.
60. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. – 143 с.
61. Ратайчик К. Бог и дьявол в русской междометной фразеологии (структурно-семантический очерк с учетом элементов перевода). – *Folia linguistica rossika*. – Łódź, 2007. – №3. – S. 129-138.
62. Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436-446.
63. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопросы истории, №1. – М., 1974. – С. 3-12.
64. Сабурова Н.А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2005. – №2. – С. 47-58.
65. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства // Филологические науки. – М., 2002. – №2. – С. 81-88.
66. Савчук Г.В. Пространственные фразеологические единицы: от особенностей обозначения действительности к особенностям функционирования // Картина мира в языке, сознании, речи: Межвузовский сборник научных трудов. – Орел, ОГУ, 2013. – С. 68-71.
67. Садыкова А.Г., Шангараева Л.Ф. К вопросу о культурной коннотации во фразеологии // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 116-119.

- 68.Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/119.Serebrennikov/html/unnamed_40.html (дата обращения 01.01.2019).
- 69.Синельникова И.И., Андросова С.А. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» (на материале французского языка) // Научные ведомости НИУ «БелГУ». – Белгород, 2014. – №6 (177). – С. 122-127.
- 70.Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: «Наука», 1986.
- 71.Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 72.Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 32-47.
- 73.Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С.161-166.
- 74.Тырпа А., Рак М. Польская диалектная фраземика в ономаσιологическом представлении // Славянская диалектная фразеография 2: Материалы конференции. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 215-229.
- 75.Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 135-169. (а)
- 76.Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 169-183. (б)
- 77.Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973. – 171 с.

78. Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во Академии Естествознания, 2012. Режим доступа: <http://www.monographies.ru/ru/book/view?id=152> (дата обращения 27.02.2019).
79. Федуленкова Т.Н., Любова А.Н. Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008.
80. Хайруллина Р.Х. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические приемы сопоставительного анализа фразеологизмов // Когнитивно-дискурсивные стратегии: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д.ф.н., проф. НИУ «БелГУ» Н.Ф. Алефиренко (11-12 января 2016 г.). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016.
81. Хлебда В. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // *Przegląd Rusycystyczny*. – Katowice, 2008. – №4 (128). – S. 90-104.
82. Чикина Е.Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы [Электронный ресурс] // INTERCULTUR@L-NET. – Владимир, 2004. – №3. Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/127/> (дата обращения: 01.01.2019).
83. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1996.
84. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 254 с.
85. Ючковская Л.Т. К вопросу о фразеологической картине мира // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – №1 (36). – С. 161-164.

86. Яковлев А.А. «Языковое сознание» и «Языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – Т.16. – 2018. – №2. – С. 57-69.
87. Bańko M. Mieć fiksum dyrdum // Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sjp.pwn.pl/o-nas> (дата обращения: 01.01.2019).
88. Bulawa M. Paralusz i inne „odmiany złośliwych diabłów”, czyli o związkach między chorobą a diabłem we frazeologii gwarowej // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 229-253.
89. Chlebda W. Elementy frazematyki. – Opole, 1991.
90. Dźwigoł R. Ni pies, ni bies – jednostki frazeologiczne z komponentami 'pies' oraz 'diabeł' w polszczyźnie [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.animalisticki-frazemi.eu (дата обращения: 01.01.2019).
91. Dźwigoł R. Ś ciebie mo dioboł pociechę. O charakterze człowieka na podstawie frazeologizmów i paremii z pola leksykalno-semantycznego <DIABEŁ> // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 195-209.
92. Leszczyńska J. Frazeologia somatyczna we współczesnej gwarze regionu wodzisławskiego // Mezinárodní setkání mladých slavistů pořádané pod záštitou. – Ostrava, 2010. – S. 237-246.
93. Lewicki A.M., Pajdzińska A. Frazeologia: wykłady [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1571976/> (дата обращения: 02.02.2019).
94. Linde S. B. Słownik języka polskiego: A – L. – Том 1. – Warszawie, 1807.
95. Malinowski M. Obcy język polski. Poradnia Językowa [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://obcyjezykpolski.pl/> (дата обращения: 04.01.2019).

96. Poplawski E. Święty Mikołaj w polskiej gwarowej przestrzeni paremiologicznej. Glosa do kulturowego wizerunku biskupa Miry // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 183-295.
97. Slavistické spoločnosti Franka Wollmana
98. Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. – М.: Наука, 1958. – Т.3. – С. 124-151.
99. Skorupka S. Z zagadnień frazeologii porównawczej // Prace Filologiczne. – 1964. – Т. XVIII. 1964.
100. Szafraniec K. Nauczanie frazeologizmów w metodzie komunikacyjnej // Kształcenie polonistyczne cudzoziemców. – Łódź, 2013. – №20. – S. 103-110.
101. Wierzbicka A. Rozważania o częściach ciała // Janus E. Słownik i semantyka: definicje semantyczne. – Wrocław, 175. – S. 91-103.

Словари и справочники

102. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
103. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
104. Гюлюмянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Т.1. А – М. – Мн.: Экономпресс, 2004. – 688 с.
105. Гюлюмянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Т.2. N – Ž. – Мн.: Экономпресс, 2004. – 718 с.
106. Карманный польско-русский и русско-польский словарь / Под ред. Г.В. Сеницыной. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967.

107. Кузнецов А.М. Поле [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/380c.html> (дата обращения: 02.01.2019).
108. Молотков А.И., Цеслинська В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.
109. Николаюк Н.Г. Библейское слово в нашей речи / Словарь-справочник. – СПб.: ООО «Светлячок», 1998. – 448 с.
110. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей/ Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
111. Bogusławski Andrzej. Mały słownik rosyjsko-polski I polsko-rosyjski. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1970.
112. Kowalczyk J.R. Kupy swawolne – słownik Henryka Sienkiewicza [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://culture.pl/pl/artukul/kupy-swawolne-slownik-henryka-sienkiewicza> (дата обращения: 02.01.2019).
113. Skorupka Stanisław. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Tom 1. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1967.
114. Szary L. Ilustrowany słownik frazeologiczny. – Kraków: Wydawnictwo GREG, 2012. – 210 s.

Материалы и источники

115. Величковский П. Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного писания [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/kriny-selnye/#0_44 (дата обращения: 01.01.2019).
116. Реймонт В. Рассказы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/349634-rassказы.html> (дата обращения: 26.02.2019).
117. Сенкевич Г. Повести и рассказы. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957.
118. Суворов А.В. Цитаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1>

%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%92%D0%B0%D1%81
%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D
0%A1%D1%83%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2 (дата
обращения: 01.01.2019).

119. Reymont Władysław Stanisław. Wikisource [Электронный ресурс].
Режим доступа: https://pl.wikisource.org/wiki/Autor:Władysław_Stanisław_Reymont (дата
обращения: 27.02.2019).
120. Sienkiewicz Henryk. Wikisource [Электронный ресурс]. Режим до-
ступа: https://pl.wikisource.org/wiki/Autor:Henryk_Sienkiewicz (дата об-
ращения: 27.02.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пробная тетрадь русско-польского фразеологического словаря лингвокультурологического типа

1. *Клевать носом* – засыпать, опуская голову и периодически отключаясь // *żydy wozić* (букв. евреев возить) – «przechylać się» ~ наклоняться.

Но скоро он замолчал и стал клевать носом [Сенкевич, 1957: 321] // *Ale wkrótce umilkł i zaczął «żydy» wozić* [Sienkiewicz].

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ *клевать носом* появилась на основе наблюдения за поведением птиц. Чтобы употребить пищу, и домашние, и дикие птицы наклоняются к земле и совершают особые клевательные движения. Такие наклоны сравнимы с действиями человека, который пытается бороться со сном: голова тянется вниз, делая его похожим на клюющую птицу.

Польский фразеологизм *żydy wozić* является окказиональным. Словарь языка Г. Сенкевича фиксирует его употребление в романе «Огнем и мечом» («Ogniem i mieczem»). Происхождение ФЕ связано со стереотипом о внешних особенностях евреев: привычке сидеть согнувшись во время поездок на телеге или кóзлах.

2. *Надавать по шее* // *tłuca po karku* (букв. бить по шее) – избить кого-либо.

Ему снилось, будто в Лещинце ему надавали по шее за то, что он потерял сумку с письмами... [Сенкевич, 1957: 321] // *Śniło mu się, że go w Leszczyńcach tłuką po karku, za to, że zgubił kobiałkę z listami...* [Sienkiewicz].

Лингвокультурологический комментарий

Русская и польская ФЕ построены по одному и тому же принципу. За основу взята распространенная система телесного наказания. Удар по шее аналогичен подзатыльнику. Обычно он не представляет собой серьезной угрозы жизнью и здоровью «потерпевшего» и демонстрирует недовольство

субъекта действия по отношению к объекту. В результате легкий удар проецируется на процесс избивения в общем или вербальное порицание в частности.

ФЕ, связанные с возможностью причинения телесного вреда, являются частым явлением в славянской лингвокультуре. По аналогичной схеме выстроена, в частности, ФЕ *голову снести* // *głowę utnać* (букв. голову отрубить) – убить, покалечить (*французы тебе спуска не дадут; либо голову снесут, либо еще что!..* [Сенкевич, 1957: 449] // *Francuzy też ci nie przepuszczą; głowę utną, albo co!..* [Sienkiewicz]).

3. **Бог дал** // **Bóg dał** (букв. Бог дал) – привелось, досталось.

И в самом деле, жизнь его складывалась именно так, как хотел бог, но когда бог дал войну, Бартек огорчился не на шутку [Сенкевич, 1957: 449] // *Jakoż życie jego układało się zupełnie, jak Bóg dał, i dopiero gdy Bóg dał wojnę, Bartek zafrasował się niepomalu* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **Бог дал** фразеологический эквивалент польск. ФЕ **Bóg dał**.

Лингвокультурологический комментарий

В данном случае и русская, и польская ФЕ имеют общее происхождение. Оно связано с первоначальным смыслом слова *Бог/Bóg* – ‘тот, кто наделяет материальными благами’. Это подтверждается этимологией лексемы и связью с такими словами, как рус. диал. *збожье*, пол. *zboże*, укр. *збіжжя* ‘богатство, добро’ и т.д. Отсюда, собственно, и произошло современное русское слово *богатство*. Функция Бога как дарителя и отразилась в ФЕ *бог дал* // *Bóg dał*.